

Михаил Эм

**Лучшие
пьесы**

Михаил Эм
Лучшие пьесы

«Издательские решения»

Эм М.

Лучшие пьесы / М. Эм — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961866-5

В избранное включены лучшие пьесы из бумажных сборников и сетевых публикаций Михаила Эм за 2009—2013 гг. Тексты печатаются в авторской редакции. Для читателей, обладающих хорошим вкусом.

ISBN 978-5-44-961866-5

© Эм М.

© Издательские решения

Содержание

Из сборника «Висящие на веревочке» (2009)	6
Последняя пьеса Шекспира	6
Сцена 1	6
Сцена 2	8
Сцена 3	11
Сцена 4	14
Сцена 5	15
Сцена 6	19
Сцена 7	23
Сцена 8	24
Замысел	30
Сцена 1	30
Сцена 2	33
Сцена 3	37
Сцена 4	41
Сцена 5	45
Сцена 6	49
Сборник «Бэббидж и остальные» (2010)	55
Бэббидж	55
Сцена 1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лучшие пьесы

Михаил Эм

© Михаил Эм, 2019

ISBN 978-5-4496-1866-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из сборника «Висящие на веревочке» (2009)

Последняя пьеса Шекспира

Действующие лица:

Король Шотландии.

Королева, его супруга.

Эдвард, принц шотландский, их сын.

Паж.

Гвидо, королевский прокурор.

Балтазар, брат Королевы и дядя принца.

Сулем, албанский король.

Зулейка, албанская принцесса, его дочь.

Шут.

1-я фрейлина.

2-я фрейлина.

Действие происходит в Шотландии. В сценах принимают участие другие придворные и служащие королевского двора.

Сцена 1

Трубы возвещают прибытие принца. Встречать принца к дворцовым воротам выходят Королева, Балтазар и Гвидо.

Королева

Не видеть сына десять долгих лет —
Что может быть для матери ужасней?
Его рожает, холишь целый день
И, кажется, не можешь наглядеться
На рожицу сопливую его,
Сынок уж вырос. Тут супруг-властитель
Ребенка посылает в Амстердам
Премудростям бесчисленным учиться,
Как будто не научится у нас
Творить расправу, и писать указы,
И о войне грядущей объявлять,
По-королевски щеки надувая.
А матери, скажите, каково —
В окно смотря, ждать горького известья:
Ребенок лихорадкой изнемог,
Иль в карты проигрался, или шпагой
Его проткнул какой-нибудь наглец,
Или, связавшись с девкой непотребной,
Набрался вшей лобковых от нее,
Иль...

Балтазар

Полноте, сестра, он в добром здравьи.

Еще минута, убедитесь вы:
Пошло учение Эдварду на пользу —
Принц телом возмужал, душой окреп.

Королева

О, Эдвард! Поскорей тебя увидеть
Так хочется...

Балгазар

Уже недолго ждать.
Вон вдалеке карета показалась,
Колеса крутятся.

Королева

Сыночек, Эдвард мой!
Прижму к груди и окроплю слезами.

Глокает слезы.

Гвидо

Как трогательна матери любовь
К родному чаду! Ничего нет краше,
Чем слезы материнские при том
Известии, что сын окреп и вырос,
Что выучился за границей он
И возвращается домой живой-здоровый,
На радость всем, особенно отцу,
Отправившему отпрыска подальше,
Чтоб воспитаньем сына занялись
Чужие дяди.

Эдвард

Мама! Мама! Мама!

Выпрыгивает из кареты.

Королева

Сынок! Сынок!

Эдвард

Как изменились вы!

Королева

Состарилась?

Эдвард

Ну что вы, нет, нисколько!

Почудилось, ведь вас не обнимал
Я много лет, зато прекрасно помню,
Как спать меня укладывали вы,
Когда сопел младенцем в колыбельке.
Вы помните?

Королева

Конечно, помню. Я
Запомнила любое из мгновений
С того момента, как родился ты

И первый крик издал на Божьем свете.
Эдвард
Как там отец?
Королева
Он встретится с тобой
Попозже, потому что плотный график.

Берет сына за руки, не может наглядеться.

Балгазар
Пожалуйста, пройдемте во дворец.
Мне кажется, устал с дороги Эдвард.
Пусть отдохнет, а вечером прием
В честь возвращенья принца состоится.
Так повелел король.

Эдвард
Вы дядя мой?

Балгазар
Ты помнишь, Эдвард?

Эдвард
Помню ли я дядю?
Конечно, помню. Парусник вы мне
Однажды смастерили из фанерки,
Да так искусно, что когда его
Я запустил по бурному потоку,
Он скрылся за мгновение из глаз,
Покачивая гордыми боками.
Я вспоминал вас, едучи сюда.

Королева
Как ты добрался, Эдвард? Все в порядке?
Дороги были тряски? Посейдон
Не слишком бушевал стихией пенной?
А ты тепло оделся, не простыл?
В открытом море, я слыхала, зябко.

Эдвард
Не беспокойтесь, мама, – я здоров.

Балгазар
Идемте все, нам у ворот не место.
Принц должен отдохнуть, а вы, сестра,
Еще наговоритесь с сыном в досталь.

Уходят.

Сцена 2

Покои принца. Принц сидит на стуле. Ему прислуживает паж.

Паж
Не нужно ли чего-нибудь?

Эдвард

Да нет, —

Мне дома неуютно с непривычки.
Там, в Амстердаме, было все другим:
Повыше небо и поярче солнце,
И радостней на сердце оттого,
Что целый день я проводил с друзьями.

Паж

Чем занимались вы?

Эдвард

Уроками с утра,
А после в игры разные играли
На воздухе: в крокет иль бадминтон,
Или толпой по городу бродили,
Дурачась и смеясь...

Паж

Так смейтесь здесь!
Здесь во дворце веселого довольно.

Эдвард

Веселого? В родительском дворце?

Паж

Здесь множество занятий вам на выбор.
Вы курите?

Эдвард

Не пробовал еще.

Паж

Не может быть!

Эдвард

Святая это правда.
Мне мать перед отъездом не курить
Велела строго-настрога, заставив
Поклясться на распяты, что пока
Учеба длится в славном Амстердаме,
Я не познаю запах табака.

Паж

Закончена теперь учеба ваша,
И можете спокойно подымить,
Пока дворец готовится к приему.

Курят. Эдвард закашливается.

Эдвард

Курение, как видно, мне во вред...

Паж

Есть многое чего поинтересней —
Здесь, во дворце шотландском, столько мест,
Что дух захватит, если посетить их!

Эдвард

Что за места и сколько этих мест?

Паж

О, множество! К примеру, душевые
Кабинки. Фрейлин много во дворце,
И каждый вечер, обнаживши тело,
Они в кабинках принимают душ.

Эдвард

Что, правда?

Паж

Вот те крест!

Эдвард

Ты знаешь точно?

Паж

Я сам не видел – слишком юн пока.
Не вправе паж по анфиладам ночью
Бродить дворцовым: стражников полно,
И может выйти недоразуменье.
Но вы – другое дело. Вы же принц!
Вам можно все, никто вас не посмеет
Допрашивать бесцеремонно.

Эдвард

Ты

Мне предлагаешь ночью прогуляться?

Паж

Да, если вам угодно. В душевой
Украдкой поглазеть на фрейлин можем,
Как принимают душ.

Эдвард

Не знаю я...

Неловко, право.

Паж

Будьте же ловчее!

Вы принц, они не смогут возразить,
Когда бы и заметили, но вряд ли
Они заметят. В темный уголок
Тихонько встанем. Будем незаметны —
Никто и не заметит ничего.

Эдвард

Ты говоришь, что без одежды будут?

Паж

Клянусь, до нитки сбросят все с себя!
Предстанут, как античные богини.

Эдвард

Ну, если так...

Паж

Доверьтесь мне, мой принц.
Шотландцам, нам, девчонки не в новинку —
За ними можно в шелку подглядеть.

Звучат трубы.

Эдвард
Что это?

Паж
Созывают на прием.
Идемте, принц, ваш папа ждать не любит.
Идемте же, идемте поскорей!

Сцена 3

Парадная зала дворца. Собрались все придворные.

Балтазар
Смелее, Эдвард. У подножья трона
Вставайте, чтобы всех обозревать
И вас обозревали все свободно.

Подходит Гвидо.

Вам здешний прокурор уже знаком...

Эдвард
Я очень рад.

Гвидо
А я так счастлив просто!
Не каждый день мы можем лицезреть
Наследника, вернувшегося после
Отлучки долгой в дом отцовский свой,
Чтобы его со временем возглавить.
Любому любопытно с королем
Грядущим пообщаться на досуге:
Что говорит, какого роста он,
Как он сморкается, и надевает шляпу,
И чешется. Ведь только короли
Планеты состоянье изменяют.
Я трепещу от мысли, что с самой
Историей Отечества общаюсь.

Подходят фрейлины.

Балтазар
Вот фрейлины двора...

Эдвард
Знакомству рад.

Паж
Глядите, принц, как хлопают глазами!
Могу поклясться, думают они
О том же, что все прочие девицы.

1-я фрейлина

Мы, принц, безмерно рады видеть вас
На родине...
2-я фрейлина
Завершена учеба,
И поступать отныне вы вольны
Как всякому естественно мужчине:
Бильярд, охота, скачки и порой
Какая-нибудь милая мордашка
Вам скрасит удаленность здешних мест.

Хихикают.

Эдвард
Я в бадминтон играть предпочитаю.

Отходят.

1-я фрейлина
Ты видела, какой в его штанах
Запрян юркий живчик?
2-я фрейлина
Ну еще бы!
Могу поспорить, что при виде нас
Он вздрогнул и наружу запросился.
Слыхала – бадминтон?! Да я скорей
Поверю в то, что воздух камня тверже.

Подходит шут.

Балгазар
А это королевский шут.
Шут
Милорд,
Я анекдот вам расскажу старинный:
Муж возвращается домой и видит в нем
Мужчину постороннего, который
В сундук забрался. «Ты зачем залез
В сундук?» – его муж спрашивает глупый
И предлагает перебраться в шкаф,
Который сундука просторней вдвое.
Ну, как вам анекдот? Я хохотал
До посиненья, в первый раз услыша.
Балгазар
Своеобразный юмор.
Эдвард
Мне уже
Историю рассказывали эту.

Подходят Сулем с Зулейкой.

Балгазар

Представить разрешите вам, мой принц,
Албанского властителя Сулема.
Он с дочерью Зулейкою у нас
В Шотландии гостит уж год который.

Эдвард

Принц Эдвард...

Сулем

Подарю я вам слона,
Как только возвращусь в дворец родимый,
Так, юноша, вы приглянулись мне.

Зулейка

Ах, папа, Бога ради, прекратите!
В Албании не водятся слоны,
Тем более, что с моего рожденья
В Шотландии мы вынуждены жить,
Скрываясь от врагов, что захватили
Албанский трон и смертью нам грозят.

Сулем

Не водятся, а все же не мешает
Ему слона побольше подарить,
Ведь юноша, гляди, высок и строен.

Эдвард

Принц Эдвард...

Зулейка

Я Зулейкою зовусь.

Эдвард

Принц... Эдвард...

Глядит на Зулейку не отрываясь.

Балгазар

Что такое, принц, случилось?
Вы побледнели и дрожите весь,
Как будто уксус невзначай хлебнули.
Вам дурно?

Эдвард

Ничего, уже прошло...
Здесь душно. Я привык, что в Амстердаме
Все окна нараспашку.

Отходит.

Я такой

Еще не видел девушки. Зулейка
Как будто неземная – не могу
Я выразить словами хрупкий облик,
Но чувствую, его не позабыть

Среди невзгод безумных жизни нашей.

Сцена 4

Торжественно звучат трубы. Появляются король с королевой.

Король

Приветствую тебя, мой милый сын!
Покинув Амстердам гостеприимный,
Специалистом возвратился ты
Под кров родимый...

Королева

Отдыхай с дороги,
Осваивайся и побольше ешь —
Не раздобреешь на харчах голландских.

Король

Неделю в самом деле отдохни,
А после приготовься к новой жизни.
Ты в армию отправишься простым
Солдатом, где пробудешь два суровых
Прекрасных года. А потом тебе
Фельдмаршала я звание присвою.

Королева

Супруг, помилосердствуй! Что за бред?
Едва ребенка встретив, мне придется
От материнской любящей груди
Вновь сына оторвать на срок безмерный?

Король

Он должен службу в армии пройти,
Как надлежит наследнику престола.

Королева

Зачем дуришь? Что в армии твоей
Ребенку делать?

Король

То же, что другие
В ней делают – учиться воевать,
Переносить лишения и во благо
Родной страны бойцом бесстрашным стать.

Королева

Еще чего! Ребенку спать в палатке,
А выйдя из нее, маршировать,
С такими же несчастными бок о бок,
С уродливым мушкетом за спиной?

Король

Вот именно.

Королева

Нет, ни за что на свете!
Я в армию его не отпущу.

Король

Отпустишь, я сказал. А впрочем, лучше
У Эдварда у самого спросить.

Обращается к сыну.

Скажи мне, Эдвард, сын мой разлюбезный,
Пред этою сановною толпой
Моих придворных – стать солдатом хочешь?

Эдвард

Наверное, хочу... Не знаю я...
А впрочем, да, хочу. Как скажешь, папа.

Король

Слыхала это? Больше не перечь.

Гвидо

По-королевски мудрое решенье!
Что может быть разумней, чем спустя
Неделю после возвращения сына
Его отправить в армию? Такой
Суровостью король наш в содроганье
Правителей соседних приведет.

Сцена 5

Поздний вечер. Душевая комната, в которую крадучись заходят принц и паж.

Паж

Скорей, скорей, но двигайтесь потише,
Не то весь перебудите дворец
И женских торсов не увидим вовсе.

Эдвард

Я тихо...

Паж

Становитесь, принц, сюда.
Отсюда все прекрасно будет видно,
А вас никто не обнаружит.

Эдвард

Но
Одно лишь место зрительное в зале!

Паж

Оно для вас, высокородный принц,
А я побуду в комнате соседней.
Коль повезет, заглянут и туда
Раздетые жеманницы. Там спрячусь.

Уходит.

Эдвард

Как сердце мое бешено стучит,
Так не стучало никогда с рожденья.
Сейчас увижу женщину как есть,
Прекраснее цветка на тонком стебле,
Природы совершенный идеал:
Пупок, подмышки, ну и все такое...
Скорей бы, что ли! Слышу чей-то шаг...

Входят Балтазар, Сулем и шут.

Балтазар

Здесь, в душевой дворцовой, в ночь глухую
Никто не помешает говорить.

Шут

О чем – известно.

Балтазар

Всем, кто сердцем чуток,
Известно – о Шотландии родной,
Стенающей в оковах ненавистных.
Нет мочи видеть, как простой пастух
Овец гоняет до изнеможенья,
Как, надрываясь, каменщик кирпич
На самую затаскивает стену,
Как пахарь бродит днями напролет
За плугом неподъемным и терзает
Скотину безответную мясник,
Сочувствием к бедняжке изнывая.
Друзья, ответьте, для чего такой
Творится ужас в нашем королевстве?

Шут

Чтоб выплатить налоги!

Сулем

Так скажу:

В Албании не только не платили
Налоги в королевскую казну —
Я из казны приплачивал налоги
В карман народный, оттого народ
Был предан мне безмерно. Вот как было!

Балтазар

Шотландию измучил скопидом
Налогам, не слушая советов,
Которые ему даю с утра
До вечера, однако все впустую.

Шут

А поглядите, как жирует он —
Вот в исступленье что меня приводит!
За пиром пир. Мне говорит – смехи,
Но шутка в горле комом застревает.
Смешить я должен, он же жрет и пьет,

В то время, как я перед ним кривляюсь.
Каков монарх!

Балгазар

Хоть родственник он мне,
Но утверждаю: короля такого
История не ведала еще.
Будь проклят ты, король-эксплуататор!

Шут

Нельзя терпеть такого дурака.

Балгазар

Но кто займется этим? Мой племянник
Неопытен еще и слишком юн
И от шотландской почвы отдалился.
Когда бы и преставился король,
В хозяйственных делах не смыслит Эдвард.
Пока начнет, шотландцы вымрут все,
Финансы окончательно расстроив.

Шут

Нам надо короля скорей сместить
И на освободившееся место
Другого выбрать... хоть бы и меня.
Чем хуже я, чем наш чревоугодник?
Народ же, видя, как простецкий шут
Страною управляет, будет думать:
Смотри-ка, королем и я мог стать,
Когда бы с бóльшим рвением трудился.

Балгазар

Высокородный нужен нам король,
Не то не оберешься осложнений
С правителями стран соседних. Их
Заденет, что не королевская особа
Шотландский унаследовала трон.

Шут

Так ты в виду имеешь... Что ж, пожалуй,
Так будет хитроумней. Эй, Сулем,
Шотландское ты хочешь королевство
Под скипетр свой?

Сулем

Давно уже хочу.
Как вы узнали, что моей мечтою
Является объединить в один
Союз военный мирные державы —
Албанию с Шотландией? Моя
Корона где? Ее примерить жажду.

Шут

Короны нет пока и как ее
Добыть, не представляю...

Сулем

Мы объявим,

Шотландии войну. Я миллиард
Бойцов албанских под ружье поставлю.
Германию и Францию пройдем,
Как нож сквозь масло, лишь бы были карты,
Не то заблудимся: Европа велика.

Балгазар

Нет, вы меня не поняли. Намерен
Себя я объявить опекуном
Племянника.

Шут

А что нам делать с дядей?..

Балгазар

Я думаю, договоримся мы,
Кого на трон поставить, коль решимся
Мы на престол шотландский посягнуть.
Есть у меня секретный план. Объявим,
Что занемог властитель оттого,
Что на охоте злобной был укушен
Гадюкой. А поскольку Эдвард юн,
До полного наследника взросленья
Проверенный власть примет опекун —
Мужского пола родственник ближайший.

Шут

Ну что же, лучше этак, чем никак.
Нет сил смотреть, как этот проходимец
Жирует за казенный счет.

Балгазар

Клянусь,
Что стану управлять к народной пользе,
Что буду справедливый суд чинить
И население изведу налогом,
Насколько это нужно для двора,
Не больше и не меньше, что не стану
Закатывать роскошные пиры,
На зависть своим подданным голодным,
Но каждый из проглоченных кусков
Героям бездыханным посвящу я.

Сулем

Клянусь, клянусь, клянусь, клянусь, клянусь.

Шут

Не ты, а он.

Сулем

Не понял я ни слова,
Но с вами до скончания веков.

Балгазар

Друзья мои, нам лучше удалиться.

Удаляются. Входит паж.

Паж

Ну что, видали сиськи или нет?
Они какие, опишите точно.
Издали я слышал голоса...

Эдвард

Идем скорей – не фрейлины здесь были.

Паж

Эх, так и знал – опять не повезло!
Но ничего, мы повторим попытку.

Сцена 6

Покои принца. Расстроенный принц сидит на кровати. Его отчитывает отец.

Король

Зачем бродил ты ночью по дворцу?
Зачем пытался увильнуть от стражи,
Когда она заметила тебя
И попыталась выяснить, кто это?
Немедля отвечай, что делал ты
Близ душевых кабинок поздней ночью,
Когда удобства в спальне есть твоей,
И кто с тобой замечен был во мраке,
Но скрылся от охраны? Отвечай!
Скажи, сынок, отцу... но только правду.

Эдвард

Ах, папа, прогуляться я решил.

Король

Не лги мне, сын, я все равно узнаю.

Эдвард

Но, папа...

Король

Только правду говори.
Ты не робей – не накажу за правду.
И не смотри, что строгим был с тобой
В присутствии придворных. Не хотел я
При всех любви отцовской проявлять.
Наедине с тобой – другое дело.
Кто был твой друг?

Эдвард

Всего лишь верный паж,
Меня сопровождавший на прогулке.

Король

И только-то? О, как ты напугал
Меня своим таинственным молчаньем!
Черт знает что мне в голову взбрело...
Зачем же ты гулял в ночное время?

Эдвард

В кабинки душевые мы пошли,
Договорившись поглядеть на фрейлин,
Как плещутся они...

Король

Ах, милый сын,
Ты в Амстердаме, верно, не спознался
С какой-нибудь красоткой?

Эдвард

Нет еще.

Король

Прости вопрос мне этот нетактичный,
Но горю твоему могу помочь,
Ведь при дворце полно красивых женщин.
Какую хочешь?

Эдвард

Я не знаю, пап...

Король

Мне доложили, что тебе Зулейка
Понравилась. Желает переспать
С албанскою принцессой? Покраснел ты,
Молчишь и в землю смотришь, словно сыч.
Нет проще ничего. Эй, стража, стража!
Немедленно Зулейку привести,
Как только приведет себя в порядок.

Стража убегает.

Эдвард

Спасибо, папа. Знаешь, как тебе
Я благодарен...

Король

Полно, полно, Эдвард.
Ведь ты мой сын единственный. Готов
Я сделать для тебя все, что попросишь.

Эдвард

Нельзя ли, папа, в армию меня
Не забирать? Я при дворе хотел бы
Немного от учебы отдохнуть.

Король

Такой порядок исстари сложился:
Учебу кончив, принц всегда идет
В поход военный – лишь потом он вправе
Предаться вольной жизни во дворце,
Стократ за воздержание воздая.
Но ты не бойся – ничего в ней нет,
Армейской службе, страшного. Немного
Муштры – причем ты будешь муштровать,
А не тебя, – еще стрельбы немного,
И наконец, искусство блефовать,

Когда ни карты на руках достойной.
Сынок, я тоже в армии служил
И говорю: не так уж там и мерзко,
Как может показаться.

Эдвард

Должен я
Поспрашивать у дяди разрешенья
Остаться здесь?

Король

При чем тут дядя твой?

Эдвард

Я нынче слышал, дядя править будет.

Король отшатывается.

Король

Что? Кто сказал? Кто это говорил?
Где слышал ты подобную крамолу?

Эдвард

Когда я был в кабинке душевой,
То фрейлин обнаженных не дождался,
Зато я дядю встретил. Не один
Он был – с шутком и королем албанским.

Король

Так, так. О чем же дядя говорил?

Эдвард

О бедствиях шотландского народа,
Которому несчастья суждены,
Покуда не уменьшатся налоги.

Король

Еще о чем?

Эдвард

О том, что надлежит
Тебя немного подменить в работе,
Когда ты заболеешь, оттого
Что будешь неожиданно укушен
Гадюкой ядовитой, а когда
Я вырасту – мне передаст корону.

Король

Еще о чем?

Эдвард

Потом они ушли,
И я ушел, но вскорости наткнулся
На стражников, окликнувших меня.
Паж убежал, а я один остался.

Король

Так вот как в королевстве обстоит!
Я, значит, должен бешеной укушен
Гадюкой быть! Ах, черт! Придется впредь

Остерегаться гадов. Ну, семейка!
Спасибо, Эдвард, за слова твои,
Которые мне помогли изрядно.
Такую ты услугу оказал
Короне, что от воинской обузы
Готов тебя навек освободить
И звание досрочное присвоить.
Сейчас вопрос с Зулейкой утрясем,
И отлучусь по службе ненадолго.

Приводят Зулейку.

Зулейка, много лет ты при дворе
Шотландском проживаешь беззаботно,
Лишь щедрости благодаря моей.

Зулейка

Я знаю это.

Король

Твой отец рехнулся.

Он полагает, что еще король,

Когда от королевского величия

Давно уж не осталось ничего:

Ни королевства, ни дворца, ни свиты,

Ни подданных...

Зулейка

Я знаю, государь.

Король

А если знаешь, наступило время

За кров и пищу отблагодарить

Шотландскую корону.

Зулейка

Я готова.

Король

Исполнишь повеление мое?

Зулейка

Тому порукой честь моя девичья.

Король

Вот и отлично. Значит, по рукам.

Повелеваю я тебе исполнить

Все, что попросит сын мой у тебя.

Вручи ему, что у тебя попросит,

Без причитаний, слез и суеты,

Как благодарной надлежит принцессе.

Милуйтесь, молодежь, а я пойду.

Есть у меня заботы поважнее:

Бунт зреет в королевстве. Должен я

Восстановить законность и порядок.

Так ты смотри, Зулейка, сделай все,

Что скажут, а иначе на конюшне

Распоряжусь я выпороть тебя.

Уходит, бормоча:

Подонки... ядовитую гадюкой...
Закашляетесь кровью у меня
И будете до самой смерти кашлять.

Сцена 7

Принц и Зулейка.

Эдвард

Зулейка, ты...

Зулейка

Что сделать я должна?

Скажите, принц, мое не мучьте сердце.

Оно и так в предчувствии беды

Трепещет, как флажок под ветром буйным.

Эдвард

Ответь, Зулейка, нравлюсь я тебе

Хотя б немножко?

Зулейка

Мне раздеться, значит?

Эдвард

Да, если нравлюсь. Все с себя снимай

И в дружеские приходи объятья.

Зулейка

Как вам угодно, чтоб разделась я?

Бесстыдно, наготой своей красуясь

Пред зрителем беспечным? Или мне

Раздеться со стыдливою ужимкой

И горькою слезинкою о том,

Что потеряв, вернуть уж невозможно?

Иль раздеваться, словно я ко сну

Готовлюсь в одиночестве вседневном,

А вы за ширмой схоронились, чтоб

Оттуда наблюдать за мной украдкой?

Или меня желаете раздеть?

Эдвард

Сначала так, а после так и этак.

Зулейка

Тогда должны помочь раздеться мне.

На платье мне застежки расстегните,

Там, на спине... Сама я не могу.

Служанка каждый вечер пособляет

Разоблачаться.

Эдвард

Эти?

Зулейка

Эти, да...

Эдвард

Застежек сколько! Сложно разобраться.

Я, кажется, запутываю их

Вместо того, чтобы шутя распутать.

Зулейка

Ну что ж вы, принц?

Эдвард

Стараюсь, но увы,

Не превозмочь мне вашего корсета.

Я узел затянул такой тугой,

Что не распутать никому из смертных.

Зулейка

Но, принц...

Эдвард

Прости, Зулейка, не могу —

Такое Геркулесу не под силу.

Несправедлив и смутен ход вещей:

Сначала ты рождаешься в надежде

Весь мир завоевать, взрослеешь и

Своими в небе звезды полагаешь.

Совсем немного времени пройдет,

Мечта из рук обмылком ускользает.

Куда там звезды, множество того,

Что раньше выполнял одним движеньем,

Не в силах и помыслить. Не могу

Совлечь с тебя постылые покровы.

Зулейка

Не плачьте, принц. Возьмите острый нож,

Тесемки взрежьте.

Эдвард

Режу осторожно.

Спади, одежда, к девственным стопам!

Откройся, кожи мрамор белоснежный

На обозренье взгляду моему

Ласкающему...

Сцена 8

Входит Королева.

Королева

Эдвард, что такое?

Зачем с Зулейкой ты наедине

И почему обнажена Зулейка

В момент, когда Шотландия вопит

И стонет от ужасного несчастья?

Эдвард

Несчастья?

Королева

Эдвард, твой отец погиб.

Принц отшатывается.

Эдвард

Как так погиб? Он здесь стоял недавно,

Буквально полчаса тому назад,

Но отошел. Сказал, что ненадолго —

Какой-то подлый заговор раскрыть.

Королева

Раскрыв его согласно обещанию,

Он допросить решил бунтовщиков.

Один из них, подлец – шут королевский —

Когда король приблизился к нему,

Воскликнув: «Так умри, тиран зловредный!» —

Отца ударил острым каблуком.

Убийца был немедленно заколот,

Но поздно было что-то исправлять.

Эдвард

Король скончался с одного удара?

Но...

Королева

Шутовской каблук отравлен был

Сильнейшим ядом, коего и капли

Достаточно всю землю отравить.

В мученьях страшных отошел отец твой

У стражи потрясенной на руках.

А ведь ему давно я говорила:

«Послушай, дорогой, не зли народ,

С соседями тактичней обращайся

И самодурный нор свой умерь!»

И что теперь?

Входит Гвидо.

Гвидо

Теперь объявим траур

В связи со смертью скорой короля.

Рыдаю вместе с вами, королева.

Королева

Корона где?

Гвидо

Возьмите, вот она.

По древнему обычаю шотландцев

Наследнику она принадлежит —

Пусть носит на здоровье, мне не жалко.

Надевает на голову Эдварда.

Как молод Эдвард, а уже король!
Сейчас сказать могу – король великий.
Как стойко переносит он беду,
Разинув рот от скорби бесполезной,
Как смотрит вдаль недетский взор его,
Грядущее всеведеньем пронзая,
Как слабая рука ласкает мать,
Недавно потерявшую кормильца
И вновь обретшую. Да славится король!
За дверьми
Да здравствует в веках король шотландский!

Звучат трубы.

Королева
Сынок, сынок, я так горда тобой.
Зулейка
И я горжусь тобой, мой милый Эдвард.
Королева
Вам не мешало б, детка, нацепить
Чего-нибудь. Здесь сквозняки гуляют.

Зулейка закутывается в покрывало.

Эдвард
А мне что делать?
Гвидо
Поскорей решить,
Как поступить с мятежниками.
Королева
Что тут
Гадать? Казнить их без остатка всех,
Искоренить убийц и их семейства
Все вырезать, включая и детей.
Гвидо
Что ж, правильно. Достойное решенье.
Одним ударом выкорчевать всё
Инакомыслие, чтобы неповадно было.
Но маленькая в том загвоздка есть:
С шутком, убийцей старого монарха,
Был пойман Балтазар, ваш брат родной.
А третий бунтовщик – король албанский.
Втроем они планировали трон
Шотландский захватить и воцариться
На троне том, про очередь забыв.

Вводят закованных в кандалы Сулема и Балтазара.

Зулейка

О, мой отец, любимый и несчастный,
Страной родною изгнанный и здесь
Успокоенья также не обретший!
Не верю я, что бунтовал отец.
Скажи, скажи им, папа, что ошибка
Произошла и невиновен ты.

Сулем

Не плачь, Зулейка, отомщенье близко.
В Албании народный зреет гнев,
Он гибель предвещает королевствам.
Когда и волосок с моей груди
На землю упадет, подумать страшно,
Что станется с Шотландией тогда.

Зулейка

Ох, судари, не слушайте Сулема —
Не ведает он сам, что говорит.

Королева

А ты, мой брат любимый, неужели
К бунтовщикам причастен?

Балтазар

В том лишь я
Повинен, что желал народу блага,
Что гнет фискальный сократить хотел
На радость пастухам и виноделам,
Что мненье короля не разделял
В хозяйственных вопросах государства.
Но крови короля не жаждал, нет —
В том неповинен.

Королева

Это шут проклятый
Виновен в смерти мужа, только он,
А брат мой к злодеяню не причастен.

Гвидо

Прикажете обоих оправдать?

Королева

Нет, только Балтазара. Пусть албанский
Король ответит за слова свои,
Которые высказывал прилюдно.
Он государство наше попрекал
И хвастался, что если даже волос
Его на землю свалится, беда
Шотландии грозит неумолимо.
Ну что ж, посмотрим... Пусть Сулем умрет,
А вместе с ним распутница Зулейка.

Зулейка

Ах, нет, прошу! Мне рано умирать,
Я не хочу...

Королева

А все-таки придется!

Нельзя же вечно злоупотреблять
Гостеприимством нашим, увиваясь
За женихами. Похотливость смыть
Придется кровью.

Эдвард

Но послушай, мама,
Здесь вроде бы я королем теперь.

Гвидо

Слова уже не мальчика, но мужа.

Королева

Что говоришь, сынок?

Эдвард

Здесь я король
И государством я распоряжаюсь.
А повеленье будет таково.
Виновны Балтазар с Сулемом оба.
Я слышал сам их сговор роковой,
Поблизости случайно оказавшись.

Балтазар вздрагивает.

Балтазар

Что делал ты в кабинке душевой?

Эдвард

Не ты здесь, дядя, задаешь вопросы.
Однако же, тебя я не виню —
Ты искренне и честно заблуждался,
Желая моего отца сместить
С законного престола. Тем не мене
Мне следствие придется учинить
Пристрастное – затем, чтоб разобраться
В хитросплетеньях царственных интриг.

Балтазар

А помнишь, Эдвард, маленький кораблик,
Который ты по речке запускал,
Пока его фанерный бок не скрылся
Из виду?

Эдвард

Дядя, дядя дорогой,
Конечно, помню, но при чем здесь это?
Разжалобить ты думаешь меня
Воспоминаньем, но закон превыше.
Пойдет Зулейка первой на допрос,
А вы пока в темнице оставайтесь
В уверенности, что без моего

Никто вас не казнит соизволения.
Идем, Зулейка...

Уходят в обнимку.

Гвидо

Что за времена
В шотландском королевстве наступили!
Король могучий не успел остыть,
Как сын его уже повелевает.
Правителю шестнадцать лет всего,
А он уже властитель полновластный.
Почти ребенок – мудрый, как змея,
И милосердный, как Отец небесный.
Да славится Шотландия моя,
Веков вовеки! Я от счастья плачу.

Занавес

Примечание. Последняя пьеса Великого Барда, написанная им незадолго до смерти. Была обнаружена при раскопках общественной библиотеки в Глазго в 1994 г. Есть сведения, что первоначально автор намеревался назвать пьесу «Детство Эдварда», однако найденный вариант рукописи не озаглавлен, поэтому название дано публикатором. Единственная из шекспировских пьес, написанная на русском языке, что дает основания полагать: под псевдонимом «Шекспир» скрывался кто-то из русских дипломатов при дворе Ее Величества.

Замысел

Действующие лица

Автор.

Его жена.

Торговый агент

Врач неотложной психиатрической помощи.

Санитар, оттуда же.

Другие голоса и видения.

Сцена 1

Квартира Автора. Диван. Телевизор. В углу комод с большим зеркалом. На рабочем столе, в противоположном углу комнаты, компьютер с аксессуарами. Автор, мужчина с залысынами и впальми щеками, расхаживает по комнате взад-вперед, сам с собой что-то решительно обсуждая.

Автор: Почему они не любят Чехова? Отчего равнодушны к Толстому? За что ненавидят Достоевского? Зачем человек так устроен, что все утонченное или возвышенное ему неинтересно, а простейшие мерзости жизни вроде насилия или секса мгновенно берут за душу? Почему, чтобы завоевать массового читателя, литератору недостаточно быть тонким психологом или отменным стилистом? Читатель не франкенштейн какой-нибудь, тот же живой человек – казалось бы, что должно его интересовать, кроме проникновения в загадки человеческой души, раскрытия тайн окружающей природы?

К примеру, я обожаю рыбалку, поэтому должен бы сочинять о рыбалке. Однако какие криминальные происшествия возможны на рыбалке, чтобы массовый читатель клюнул на обложку, на которой изображен дядька не с автоматом, а с подлещиком в руке? Не знаю, не знаю. Ну какие происшествия с рыболовами могут случиться? Поймают того же подлещика или окуня, а еще вернее, ни рыбешки не поймают, вот и все рыболовные происшествия. Но разве этим замечательна рыбалка в художественном произведении? Описать рыбную ловлю так, будто вы сами на ней побывали, передать цветовую гамму заката, прохладу вечернего ветерка, отблески костра на прибрежных соснах, отчаянье рыбака, у которого сошел с крючка пятикилограммовый судак, досаду женщины, наступившей на коровий блин, в конце концов, – вот в чем искусство литератора! Вот что писатель должен ежедневно оттачивать, добиваясь полного сходства с реальностью!

Только ничего этого испорченные массовой культурой читатели не понимают. Им подавай маньяков, траханье, ужасы. Закостенелые, погрязшие в дурном вкусе люди! И ведь никуда от них литератору не деться, потому как именно читатель диктует охочему до прибыли издателю, какие рукописи публиковать, а уж тот, потирая в предвкушении руки, транслирует писателю примитивные желания публики. И принужден бедный, поставленный в безвыходное положение писатель насиловать творческое «я», выдавая на поток чернуху за чернухой, маньяка за маньяком, насильника за насильником, когда душа, напротив, просит возвышенного и утонченного.

Подходит к комоду и смотрится в зеркало, в котором нехотя прорисовывается его отражение.

Ну скажи (*нафосно обращается Автор к своему отражению*), вот я в настоящий момент работаю над реалистической пьесой о рыбной ловле. Но разве можно из описания обыкновенной рыбалки сделать бестселлер?

Отражение: А то!

Становится в позу, ясно демонстрирующую, что имеет собственное мнение, отличающееся от мнения Автора в лучшую сторону.

Автор: Это каким же макаром, позволь спросить?

Отражение: Зависит от того, кто едет на рыбалку. Перечислить всех действующих лиц своей рыболовной эпопеи можешь? Сразу жанр будущего бестселлера и определим.

Автор: Почему нет? Главный герой – молодой парень-студент по имени Кеша... Иннокентий то есть. Иннокентий отправится на рыбалку на озеро Бармагыч со своим дядей Владимиром Федосеевичем, который заведует кафедрой в одном из московских институтов. С ними – на другой машине, хочу сказать – отправляется аспирант с той же кафедры по прозвищу Молчун, попутно занимающийся бизнесом. С Молчуном едут личный повар, тщедушный такой мужичонка по имени Иван Алексеевич, и подружка Настенька.

Отражение: Да, именно Настенька! Старинное русское имя, подходящее для любого бестселлера. Получается, всего рыболовов пятеро: дядя-профессор с племянником и профессорский аспирант с подружкой и личным поваром. Как сделать так, чтобы барыга-издатель историю опубликовал? Как добиться, чтобы психопат-читатель книгу купил? Думай, писатель, думай... Вот, только задумался и уже придумал! Твои рыболовы обнаружат заброшенную охотничью избушку, а в избушке четыре тюка героина.

Автор (*растерянно*): Почему не марихуаны?

Отражение: Героин круче.

Автор: А почему четыре?

Отражение: Пусть будет пять.

Автор: А зачем наркоторговцам прятать пять тюков героина в заброшенной охотничьей избушке?

Отражение (*всплескивая руками*): Да вот, блин! Его же учишь, как лучше, а он еще и выкобенивается! Какая тебе, на хрен, разница, зачем? Возьми любой бестселлер и спроси у автора, зачем. Можно подумать, он сам знает, зачем. Да ни зачем! Чтоб неразвитого читателя подманить, понятно? Надо же героин где-то прятать, так отчего не в заброшенной лесной избушке? Ты будешь слушать, или тебе уже слова не скажи?

Автор (*с неохотой*): Ну буду, буду.

Отражение: Твои рыболовы случайно наткнутся на избушку и перепрячут тюки с героинем в укромное местечко. Когда банда нагрянет в избушку и обнаружит пропажу, начнется поиск крайних. Скоро крайние обнаружатся, благо они не особенно и прятались. Наивные горожане, откуда им знать, что на Бармагыче свирепствует беспощадная преступная группировка? Повяжут всю честную рыболовную компанию. Ивана Алексеевича для острастки поставят к стенке. Персонаж-то второстепенный – так, кулинар задрипаный, его не жалко. Или нет, Ивана Алексеевича поставят к стенке после того, как он вступит с бандитами в переговоры. Молчуну станут угрожать изнасиловать Наденьку, если он не переведет на Кипр миллион долларов, а дядю возьмут в заложники.

Автор: Погоди, откуда у Молчуна миллион долларов? Он, конечно, попутно с учебой в аспирантуре бизнесом занимается, джип с лодкой у него дорогие, наверное – но ведь Молчун не олигарх. У него не может быть миллиона долларов.

Отражение: Хорошо, пусть будет сто тысяч. Тем более, что бандиты не знают, что у Молчуна нет миллиона долларов... Ты записывай, записывай, а то не запомнишь, склеротик... Кеше перед нападением на лагерь удастся в последний момент улизнуть – возможно, он будет в это время на рыбалке или по нужде отойдет. Он попытается освободить дядю и остальных. Этот студент окажется прирожденным воином. Он станет скрываться в лесу, питаясь выловленной рыбой и собранными грибами, и уничтожать бандитов одного за другим, буквально голыми руками, с помощью разных веревочек, щепочек и арбалета, стреляющего отрав-

ленными стрелами. Последним будет уничтожен особо циничный главарь. После этого в Кешу влюбится Настенька, и книга закончится страстным поцелуем возлюбленных.

Автор: А Молчун? Настенька его девушка.

Отражение: Молчун попытается бежать на своем катере, но его настигнут на более мощных моторах и после продолжительной погони и перестрелки потопят. В живых останутся трое: Настенька, Кеша и Кешин дядя, который перегрызет веревку ржавыми плоскозубцами, ими же задушит предпоследнего бандита и из последних сил уползет в чашу, чтобы выползти из нее перед финальным поцелуем... Ну как, нравится?

Автор: Не очень. Не жизненно как-то. К тому же я в наркотиках ничего и не понимаю.

Отражение: А авторы других бестселлеров понимают, что ли? (*Развязно*). Тебе трудно угодить, привереда! Ну да ладно, записывай второй сюжет, я сегодня в ударе. Таковую чернуху забабацаем, все издатели отпадут! Значится так. Настенька голышом купается в озере, что провоцирует сексуальную распущенность. Ее для затравки пускают по кружку, а потом...

Автор: Кого пускают по кружку, Настеньку или сексуальную распущенность?

Отражение: Настеньку, разумеется.

Автор: А Кешин дядя в кружке тоже участвует?

Отражение: А то как же!

Автор (*которого вдруг прорывает*): Что ты такое говоришь?! Что мелешь, придурок несчастный? По-твоему, заслуженный пятидесятилетний профессор способен в присутствии своего племянника, аспиранта и еще одного немолодого человека потрахать аспирантову подружку? Как ты себе это представляешь, хотелось бы знать? Как мне этот разврат описывать? Так, что ли? (*Декламирует*). Дядя расстегнул на всхлипывающей Настеньке бретельки лифчика, потом спустил с девушки трусы. «Подержи, Иннокентий, чтобы не брыкалась, – попросил он племянника, нагибая Настеньку поудобней. – Сейчас враз управлюсь». Кеша с Иваном Алексеевичем накрепко ухватили и прижали к земле извивающееся Настенькино тело, в то время как дядя, расстегнув ширинку, пристроился со стороны широкой и белой задницы. «Молчун, не хочешь поучаствовать?» – предложил он занимающемуся снастями Молчуну, у которого был научным руководителем. «Вы трахайтесь, трахайтесь, Владимир Федосеевич, я к вам потом присоединюсь. Мне спиннинг настроить надо», – махнул рукой Молчун. Для Молчуна рыбалка, не в пример аспирантуре, была делом серьезным.

Отражение (*кратко*): Думаешь, Настенька будет против?

Автор: Да Настенька-то, может, и не против, да вот профессора в качестве насильника представить трудновато.

Отражение: Тебя послушать, так профессура вообще не размножается.

Автор: Может, и размножается, но есть художественная правда, в конце концов! Я могу следовать только художественной правде, а не буду ей следовать – полноценного художественного произведения не получится. Да наверняка и не размножается профессура. Она еще в студентах и аспирантах размножается, а после получения профессорского звания у нее совсем другие интересы, научные и педагогические.

Отражение (*поскучневым голосом*): Ну, если педагогические и героин в заброшенной избушке обнаружить нельзя, значит, рыбалка отменяется. Пиши на другую тему, иначе не видать тебе бестселлера, как своих ушей. Не знаю даже, что предложить... Из личного опыта что-нибудь опиши.

Автор: Из чьего личного опыта?

Отражение: Своего, разумеется. Какой-нибудь необычный сексуальный или криминальный случай.

Автор (*нервничая*): Какой еще сексуальный или криминальный случай, когда я больше всего люблю на рыбалку ездить?! И вообще – или тебе не известно? – у меня законная супруга

на руках имеется, так что существо я вполне заурядное и законопослушное, в групповухах не участвую, ничем криминальным не занимаюсь.

Отражение: Не занимаешься, так займись.

Автор: Чего?

Отражение: Возьми и убей жену, а убийство опиши в художественном произведении. Приобретешь бесценный криминальный опыт, заодно бестселлер создашь. Да, не забудь перед убийством потрахать бедняжку на прощание – психология непередаваемая, тебе в литературной деятельности очень даже пригодится. Лучше, конечно, трахать сплоченным писательским коллективом...

Автор (*нервно*): Каким еще писательским коллективом? Я тебе что, член Союза писателей, что ли? Не люблю групповухи.

Отражение: Ладно уж, обойдемся без писательского коллектива. Просто замочи, и все. Замочишь жену и все художественно-достоверно опишешь... Ну, чего примолк? Скажешь, никогда об этом не подумывал?

Автор (*потупясь*): Нет... отчего же... Подумывал, конечно, врать не стану. Кто же об убийстве жены не подумывает?

Отражение: Или, скажешь, жена у тебя не стерва?

Автор (*совсем смущаясь*): Почему не стерва? Стерва, разумеется.

Отражение: Так замочи ее, к вящему торжеству изящной словесности! От жены избавишься, заодно создашь бессмертное художественное произведение, бестселлер с большой буквы.

Автор: А рыбалка как же?

Отражение: Рыбалку похерь к такой-то матери. Рыбалкой займешься после того, как дело сделаешь.

Автор: Мысли такие – об убийстве, имею в виду, – мне, конечно, в голову приходили... но мысли только, не действия. С другой стороны, насколько бы глубже Федор Михайлович «Преступление и наказание» написал, если бы личный опыт пересказывал, если бы сам старуху-процентщицу топором по башке тюкнул.

Отражение: Во-во! Начинаешь соображать.

Автор (*мотает головой*): Нет, все равно не могу.

Отражение: Смотри, рыболов, перестанут печатать. Или по-быстрому приобретай криминальный жизненный опыт, необходимый для написания бестселлера, или останешься у разбитого корыта. Решать-то тебе, недотрога.

Расстроенный автор усаживается на стул перед зеркалом, обхватив голову руками. Отражение, кажущееся не менее озабоченным, чем автор, тоже обхватывает голову руками и тоже задумывается. Так, напротив друг друга, они сидят продолжительное время.

Сцена 2

Тот же персонаж в той же комнате несколько дней спустя. Распечатывает на принтере несколько страниц текста и зачитывает, проверяя на благозвучность.

Автор: Уважаемые читатели! Если вы решились на убийство жены, действуйте целеустремленно и без промедления. Главное – без промедления, потому что убивать жен следует, пока они молодые. Со старыми и ревматичными женами одни неприятности, да и убивать их вы опоздали. Зачем, когда или сами скоро от ревматизма помрут, или вас уморят? Тем более не удастся устранить старую каргу после того, как она вас уже уморила – что, учитывая продолжительность совместного с ней проживания, весьма вероятно. Кроме того, скоропостижная смерть зрелой женщины вызовет подозрения бдительной общественности. Ясно, что мегера не сама о тряпку поскользнулась и виском об угол плиты ударилась, а кто-то ее бережно при-

гнул и от невыносимого отчаяния приложил. Зрелые женщины, как правило, малоподвижны и на полу своих кухонь ни с того ни с сего на мокрых тряпках не поскользываются. Если мегера не сама поскользнулась, кто ей тогда помог, думает общественность? Не иначе как человек, которому мегера больше всего досадила, то есть ближайший родственник покойницы. В результате муж, опрометчиво протянувший с убийством жены до совместной старости, становится в глазах общественности первым подозреваемым.

Посему настоятельно рекомендую вам, дорогие мои читатели, убивать жен загодя, пока они расслабленные и доверчивые – в идеале, сразу после окончания медового месяца. В начальный период семейной жизни нет абсолютно никакого повода убивать жену, именно поэтому убийство можно осуществить безопасно, не без пикантного щекотания нервной системы и светлых ностальгических воспоминаний. С демоном, на которого женщина обречена, проще покончить задолго до того, как злобная тварь вконец обнаглеет, а родственники насторожатся – тогда и выигрыш во времени окажется продолжителен, и на мужа подозрений не падет.

Задумывается.

Ну вот, уже лучше – очень даже ничего, художественно. Можно сказать, решился на создание бестселлера и даже первые его страницы успешно накатал, вот только не знаю пока, как жену сподручней укокошить. То ли имитировать несчастный случай – «Ой, канализационный люк открылся!», – то ли свалить вину на забравшихся в квартиру грабителей – «Спасите, люди добрые, режут!», – то ли просто выкинуть жену из окошка, которое она якобы мыла – «Не забудь сгруппироваться, любимая!». Нет, кровь, физическое насилие, предсмертная агония – не годится!

Еще больше задумывается.

А не использовать ли отравление? Ну конечно, отравление, как я сразу не догадался? И вправду сказать, чем отравление хуже других способов решения семейных проблем? Ничем, а если непредвзято разобраться, то намного лучше: бескровный и действенный, – незаменимый способ убийства для лиц творческой профессии. Пока жена пьет брусничный морс, а потом, выговорив за грязные половички, отдыхает на диване – «Дорогой, у меня в боку что-то закололо, сейчас пройдет!» – можно успеть не только не спеша договориться с похоронным бюро, но и выкроить полчаса для работы. Итак, решено и подписано – я ее, стерву законную, отправлю.

Обрадованный, расхаживает по комнате взад-вперед, но тормозит на полдороге.

Пардон, а каким ядовитым веществом ее, родимую, травить? Как знать, каким, если ты по образованию гуманитарий и среди приятелей, как назло, нет профессиональных химиков – таких, с которыми можно безбашенно распить на грязной кухне пол-литра, потолковав попутно о жизни, ее проблемах и их нетрадиционном решении? В аптеках ядовитые вещества без рецепта не отпускаются. На справочные пособия, пылящиеся на библиотечных стеллажах, надежды мало. Как быть человеку, которому срочно понадобилось отравить жену... ну позарез понадобилось, понимаете? Проблема. Легко сказать: отравить жену, – а как трудно, оказывается, сделать!

Снова задумывается.

Не заглянуть ли во всемирную паутину? Если где-нибудь и имеются недорогие рецепты по убийству надоевших жен, рекомендации, как из простых химикалий и электроприборов соорудить небольшое взрывное устройство, или пособия по ведению человеконенавистнической кампании, так это во всемирной паутине.

Присаживается к компьютеру и неуловимо манипулирует – не столько пальцами, сколько мыслями.

Есть! Есть!! Есть!!! Фирма «Веселый фармацевт», двести лет на рынке фармацевтики, предлагает богатый ассортимент бытовых ядов. Очень интересно. Позвонить, что ли? А вдруг ловушка, вдруг на том конце провода определитель номера, и все звонки с пожеланием при-

обрести ядовитое вещество фиксируются органами? Да нет, быть того не может! Какая там ловушка – обыкновенный бизнес, тем более что я вовсе не собираюсь признаваться, что жену отравить надумал. Мало ли зачем мне яд нужен? В конце концов, могу просто интересоваться технологией продаж для своих писательских дел – скажем, для того, чтобы сочинить фабулу криминального бестселлера. Я, черт подери, сочинитель – этим надо воспользоваться.

Звонит по указанному в объявлении телефону и, пытаясь говорить измененным голосом, интересуется – так, любопытства ради, – что понимает означенный фармацевтический лидер под означенными бытовыми ядами. Так и спрашивает секретаршу на том конце провода:

Скажите, я вот тут на ваше объявление в Интернете случайно наткнулся, не можете ли прояснить один вопрос? Какие яды, в вашем представлении, являются бытовыми?

Секретарша: Яды для хозяйственных целей.

Автор: Что такое «для хозяйственных целей»?

Секретарша: Разового применения. Если яд нужен для военных, вообще крупномасштабных целей – например, для отравления городского водопровода крупного мегаполиса, – гарантии на такой товар вы не получите.

Автор (*в самом деле удивляясь*): Неужто случались крупномасштабные применения?

Секретарша: Мы не ведем статистики, поэтому исключить ничего нельзя. (*Доверительно*). Между прочим, Парацельс утверждал, что любое вещество является ядом. Яд или не яд, зависит исключительно от дозы. Поэтому даже по неотравленному водопроводу течет ядовитое вещество – хлорированная питьевая вода.

Автор: Потрясающе, однако применять яды для военных целей я не собираюсь. Я же не террорист какой-нибудь отморозенный и не свихнувшийся политический деятель. Я просто так интересуюсь, для развития общей эрудиции.

Секретарша: Если всерьез интересуетесь фармацевтикой, не желаете к нам подъехать? Торговый агент все подробно расскажет, объяснит.

Автор: Что объяснит?

Секретарша: Все, что пожелаете.

Автор: И про ассортимент тоже объяснит?

Секретарша: Объяснит.

Автор (*прикрывая трубку ладонью*): Ну вот, сам напросился! И не хотел ведь убивать жену – так, творческую мысль развивал с целью пофантазировать! – а фармацевты надоедливые настояли, теперь не отвяжешься. Вот только в офис «Веселого фармацевта» переться неохота: вдруг туда по паспортам пускают? Да и вообще неохота...

Секретарша (*словно услышав*): Если вам неудобно подъезжать к нам в офис, вы можете договориться о встрече с торговым агентом в другом месте. Агент сам к вам придет.

Автор (*обеспокоенно*): И выезд ничего не будет мне стоить?

Секретарша: Абсолютно.

Автор: А если предположить – только потенциально предположить, что во время встречи с торговым агентом я надумаю приобрести какой-нибудь понравившийся товар – купить для хозяйственных целей бытовой яд, имею в виду – я, как потенциальный клиент, смогу это осуществить?

Секретарша: Безусловно сможете! У агента будут образцы наиболее ходового товара. Если требуемой номенклатуры при себе не окажется, тоже не страшно – закажете на центральном складе и через три рабочих дня заберете.

Автор: Ну, забрать через три дня не проблема... Но может, вы меня за крупного оптовика принимаете? Тогда вынужден с сожалением признаться: я не оптовик. Всего лишь частное лицо, интересующееся фармацевтикой... кгм... в научных целях.

Секретарша: Мы работаем индивидуально даже с розничными покупателями. «Веселый фармацевт» – серьезная фирма, с двухвековыми традициями. Наш корпоративный девиз: все для удобства клиента нашего клиента, то есть вашего клиента. (*С гордостью*). Нашими ядами не только Кивелиди травили, но и самого Распутина. Нашими ядами, если хотите знать, пол-Москвы травится... Записываю адрес и время, диктуйте.

Автор: Погодите... Видите ли, по моему адресу встречаться не слишком презентабельно. Офисного помещения, знаете ли, нет, потому как накладно. Домой приглашать делового человека неловко. В квартире не прибрано, ну и все такое... А вот светлая мысль! Нельзя ли встретиться с торговым агентом где-нибудь в метро или у метро, в удобное для агента время?

Секретарша: Диктуйте, диктуйте.

Автор диктует название ближайшей станции метро и другие координаты.

Автор: Извините, девушка, а как я вашего торгового агента опознаю?

Секретарша: На нем будет фирменная майка, а в руках фирменный кейс. Увидите и сразу же опознаете – с опознанием наших работников проблем не случилось... Заказ принят. До свидания.

Автор вешает трубку.

Автор: Ну что же, немного свободного времени остается. Можно успеть поработать – что-нибудь полезное написать.

Садится за компьютер. Что-то на нем строчит, затем распечатывает и зачитывает концовку ранее начатого отрывка.

Вот и спрашивайте после этого, трудно ли избавиться от осатаневшей жены: если постараться, ничуть не трудно! Не убивает жен только ленивый или трусливый. Мучается, лежебока, десятилетиями, пока супруга не спровадит его под могильный камень, а человек энергичный, кузнец своего счастья, только возьмется за дело, как удача ему тут же улыбнется: и яд приобрести по случаю оказывается несложно, и ребенок в отъезде, и жена за последнюю неделю такую кучу гадостей наговорит, что совесть не о великодушии к Прекрасной Даме твердит, а притихла и затравленным голоском из угла канючит: «Скоро, что ли? Невмоготу терпеть-то. Да травы ты ее побыстрей, и дело с концом».

Выключает компьютер и начинает обувать у входной двери кроссовки. В это время домой возвращается жена.

Жена: Ты чего в дверях расселся? Не видишь, что ли, я домой вернулась, мне туфли снять надо.

Автор: Ну и снимай на здоровье. Мешаю, что ли?

Жена: Конечно, мешаешь. Мог свои грязные кроссовки потом зашнуровать – после того, как я туфли сниму.

Автор: Откуда мне было знать, что ты сейчас вернешься?

Жена: А чего ты вообще-то знаешь? Ты вообще ничего не знаешь. Тебя утюгом по голове огрей, ты и то не узнаешь. Если бы чуточку деликатней был, знал бы, как с женой себя вести следует, понимал бы, что к жене следует бережно относиться, не раздражать по пустякам, но тебе-то, я смотрю, на жену ровным счетом наплевать – ты даже подождать не можешь, пока она туфли переобует, тебе обязательно все ноги ей оттопать нужно. Все женщины как женщины, с неоттоптанными ногами ходят, одна твоя жена, безъязыкая, словечка в оправдание вымолвить не смеет...

Автор: Я ушел.

Выскакивает за дверь.

Жена (*кричит мужу вслед*): Хамло неотесанное!

Сцена 3

Подземный вход в метро. Среди поспешающих по своим делам прохожих прогуливается молодой человек в официальном костюме – темных брюках и, по случаю жаркой погоды, отглаженной белой рубашке с короткими рукавами. Типичный подающий надежды клерк – если, конечно, не считать нарисованной на кейсе и рубашке эмблемы со змеей, капающей в стакан целебную внутреннюю жидкость. Появляется Автор. Секунду он осматривается, затем уверенно опознает торгового агента и подходит к нему.

Автор: Здравствуйте. Вы из «Веселого фармацевта»? Я с вами договаривался?

Торговый агент: Со мной. Здравствуйте!

Автор: Здравствуйте!

Обрадовавшись скорому решению проблемы, повторно пожимает руку.

Торговый агент: Давайте присядем где-нибудь. Думаю, так будет удобней.

Присаживаются поблизости, за столиком летнего кафе.

(Видя вопросительно раскрывающийся рот Автора). Предвидя ваш первый и самый болезненный вопрос, смею вас заверить. Любые переговоры с клиентами являются строго конфиденциальными. Они не могут быть обнародованы ни при каких обстоятельствах, поскольку нигде не фиксируются. Конфиденциальность обеспечивается также анонимностью клиентов, о которых мы ничего не знаем, в первую очередь их имен. Кстати, меня Сашей зовут.

Автор: Очень приятно, Саша.

Торговый агент: Теперь я готов ответить на ваши вопросы, которые, несомненно, возникнут. Ассортимент насчитывает тысячи наименований, каждый препарат обладает индивидуальными свойствами... поэтому мы скорее удовлетворим запросы клиента, если тот хотя бы в общих чертах сформулирует требования к лекарственному препарату.

Вопросительно и вместе с тем доброжелательно смотрит на Автора.

Автор: Понимаете, Саша... Ничего противозаконного – хочу сказать, неумеренно, негуманно противозаконного – я совершать не собираюсь... Хотя конфиденциальность, конечно, никогда не бывает излишней. Я от конфиденциальности ни в коем случае не отказываюсь, а напротив с благодарностью принимаю, несмотря на явную незначительность дела. Дело в том, что я желал бы... кгм... усыпить соседскую собаку...

Торговый агент: Внимательно вас слушаю.

Автор *(продолжает уверенней):* Да, именно собаку... Такая, знаете, огромная псина – доберман-пинчер, кажется, – которая живет у соседа по даче и громко, просто несносно лает. Совсем измучился, ночами не сплю... К сожалению, объяснения с соседом ни к чему не привели. Скользкий тип, равнодушный к соблюдению общественной тишины. Пытался даже подавать в суд – без толку. Милиция помочь бессильна. Сходил в аптеку, но там средство для усыпления собак отказались продавать без рецепта. Единственная надежда на вашу фирму... на то, что после усыпления собаки купить вторую такую же звонкоголосую у соседа не хватит денег.

Торговый агент: Понимаю, понимаю. Вы желаете не пристрелить животное публично, а приватно, в спокойной домашней обстановке, его усыпить?

Автор: Ну да... Что-то вроде этого.

Торговый агент: Каким способом?

Автор: То есть?

Торговый агент: Собака может получить разрыв сердца, отек легкого, рак печени, заворот кишок, инфекционное или любое другое заболевание. Желаете чего-то конкретного?

Автор: Я как-то...

Торговый агент: К тому же, имеются яды различного времени действия: мгновенные и так называемые отсроченные. Предпочитаете, чтобы собака скончалась незамедлительно

по принятию яда или умирала в течение длительного периода? Безболезненно или мучительно? С какими симптомами? Каковы ваши возможности по введению яда? Некоторые препараты требуют многократного введения, поэтому прежде, чем продать товар, мы всегда выясняем, однократно или многократно в отношении одной собаки яд может быть использован покупателем? Наконец, в каком виде яд может быть введен в организм? Существует несколько апробированных способов отравления. Можно не только подмешать яд в пищу, но и ввести его в организм внутривенно или через ингалятор, наконец, натереть ядом предмет, с которым соприкасается ваша собака. Конуру или ошейник, к примеру...

Автор: А...

Торговый агент: Цены на нашу продукцию, что называется, гуляют. Одни яды, которые в организме рассасываются или выводятся из него сразу после применения, обнаружить невозможно в принципе. Такие препараты дороги. Другие в принципе обнаружить возможно, но большинство – при проведении специальных дорогостоящих экспертиз. Такие препараты заметно дешевле.

Автор: Да, лучше бы, конечно, при вскрытии необнаружимое. Привык, знаете ли, все делать на совесть, поэтому предпочитаю заплатить чуточку подороже, чтобы приобрести качественный товар. (*Бодро*). Покупатель дешевую вещь платит, как известно, дважды.

Торговый агент: От трехсот до пяти тысяч долларов за дозу. Элитная часть ассортимента.

Автор: Да ни хрена себе!

Делает попытку подняться, но собеседник удерживает его за руку.

Торговый агент: Да не расстраивайтесь вы. Обнаружимые яды ничуть не хуже и несравнимо дешевле. Что значит «можно обнаружить в принципе»? Диагностировать отравление в результате экспертизы. Такая экспертиза, как правило, на порядок дороже, чем десять порций любого яда. Шансов на то, что ваш сосед по даче закажет патологоанатомическую экспертизу за пятнадцать тысяч долларов, согласитесь, невелики. Неужели он выложит такую сумму, чтобы убедиться, что собака отравлена ядом стоимостью в десятку? Пятнадцать тысяч долларов не заплатит даже близкий родственник.

Автор (*ощупывая в кармане кошелек*): Да уж, ближайший родственник пятнадцать тысяч долларов ни за что не заплатит. Пятнадцать долларов даже не заплатит.

Торговый агент: Поэтому определяйтесь, яд какого действия вам требуется. Я вам недорогое подберу.

Автор определяется, но из-за богатства выбора не может сказать что-либо определенное.

А может, предпочитаете не умертвить собаку, а просто ее отравить?

Автор (*отвлекаясь от раздумий*): Простите?

Торговый агент: Не всякое отравление приводит к смерти. Любой человек хотя бы раз в жизни чем-нибудь травился – например, грибами или некачественным алкоголем, – однако при этом не умирал.

Автор: А что несмертельное отравление даст?

Торговый агент: Отравление отравлению рознь. В результате применения некоторых ядов – кстати, разработанных в научной лаборатории нашей фирмы, – характер отравленного полностью меняется.

Автор: Да что вы говорите!

Торговый агент: Собака после отравления делается более спокойной и умиротворенной. Станет просто другим человеком – вы ее через неделю не узнаете... (*Достаёт из кейса многостраничный прайс и разворачивает его*). Я вам сейчас подберу что-нибудь подходящее. Так... Дороговато... Вот прекрасное средство, к сожалению, на складе в настоящий момент отсутствующее... Вот то, что вам нужно. Бензоатный дихлоэцителен, торговое название «поро-

шок Папы Карло». Принимается с пищей: почти бесцветен и безвкусен, но только почти: незначительный привкус все-таки имеется, поэтому рекомендуется подсыпать в молотый перец или соль.

Автор (*с удивлением*): Порошок Папы Карло? Какое странное название!

Торговый агент: Обыкновенное, рабочее. Мы все наиболее ходовые препараты так называем, чтобы клиенты язык не ломали. Порошок Папы Карло, микстура Буратино, пилюли Лаврентия Берии... Согласитесь, запоминается с первого раза?

Автор: И что с собакой случится? Каковы симптомы отравления этим вашим... бензоатным... порошком?

Торговый агент: Поведение собаки скорректируется в течение нескольких дней после приема препарата. Прежде всего, отравленная начнет стремительно терять чувство реальности.

Автор: Что вы имеете в виду, Саша?

Торговый агент: Реальность – в том виде, которая существует для вашей собаки сейчас, – исчезнет. Вместо нее образуется другая реальность. Какая – сказать заранее невозможно, но другая, галлюциногенная, как мы говорим, шизотипическая. Собаке придется реагировать на реальность, а поскольку реальность окажется иной, то и реакция окажется иной. Допустим, собака перестанет лаять. Совсем. Вы ведь этого добиваетесь, не правда ли? Но может, конечно, произойти обратное: собака окончательно взбесится и примется лаять не только на вас, но и на соседа. А потом не только на соседа, но и на каждого воробья на грядке. Думаю, вашему соседу это настолько не понравится, что он от своей собаки очень быстро избавится. Например, отправит ее в сумасшедший собачий дом...

Автор: То есть собака свихнется, я правильно понимаю?

Торговый агент: Можно сказать и так, хотя я бы предпочел говорить «утеряет чувство реальности». Большинству наших клиентов вовсе не нужно кого-то усыплять, достаточно скорректировать поведение объекта. После чего клиент начинает жить со своим объектом душа в душу. Таким образом, несмертельное отравление имеет выраженный лекарственный эффект, что намного гуманней. Сумасшедший дом намного лучше кладбища. А может статься, никакого сумасшедшего дома не потребуются: собака целыми днями станет лежать на коврик, смотреть на хозяина преданными глазами и вилять хвостиком. Вас устраивает подобное лекарственное отравление или предпочитаете усыпить ее, от греха подальше?

Автор: Вы меня заинтриговали – тем, что сейчас говорите. В самом деле, намного гуманней. Так что считайте, меня все устраивает, принципиальное согласие достигнуто.

Торговый агент: Замечательно.

Автор: Только вы мне все подробно про порошок этого Папы Карло опишите. Другие симптомы, кроме утери чувства реальности, при отравлении им имеются?

Торговый агент (*заглядывая в прайс*): Так называемые вторичные симптомы, в частности, рецессивная суггессия. Это когда собака не может смотреть телевизор. При включении начинает выть, будто резаная...

Автор (*обеспокоенно*): Я тоже не переношу телевизор! У меня что, тоже рецессивная суггессия?

Торговый агент: Не обязательно, просто вы не переносите телевизор. Это может быть вызвано индивидуальной психосоматикой, но у собаки в случае приема препарата рецессивная суггессия разовьется клинически.

Автор: Это все?

Торговый агент: Нет, возможны другие странности в поведении. Например, собака начнет вставать на задние лапы, выть на полную луну, заговариваться. У нее станет кружиться голова...

Автор: Стóбит сколько?

Торговый агент: В зависимости от дозы. У вас собака одна?

Автор: Конечно, одна.

Торговый агент: Может, желаете вместе с собакой ее маму отравить?

Автор: Чью маму?

Торговый агент (*пожимая плечами*): Ну не мою же.. собачью, разумеется. Многие из наших клиентов берут две дозы: одну для соседской собаки, другую для ее мамы. Мамы собак частенько надоедают больше, чем сами собаки.

Автор: Нет, у меня только одна соседская собака.

Торговый агент: Вам виднее. Значит, вам требуется доза на одну собаку. Сколько, кстати, она весит?

Автор (*обеспокоенно*): Зачем вам?

Торговый агент: Необходимая доза зависит от веса собаки. Больше вес – больше доза.

Автор: Много весит. Такой, знаете, огромный доберман-пинчер, просто жуть берет. Когда последний раз на весы становилась, по-моему, на шестьдесят семь с половиной килограммов потянула.

Торговый агент: Лает, наверное, громко.

Автор (*пригорюнившись*): Я же и говорю, Саша, она у меня горластая. Думаете, если бы она на меня не влаивалась, я бы к вам обратился? Кстати, как мне узнать, что у нее кружится голова?

Торговый агент: Спросите.

Автор: У кого, у собаки?

Торговый агент: Ну конечно. Вы что, с ней уже совсем не разговариваете? Или она у вас немая?

Собеседники смотрят друг другу в глаза и скуп, по-мужски, молчат. Саша лезет в кейс.

Вам повезло, даже на склад ехать не нужно. У меня стандартная доза при себе. Гарантированный вес – до одного центнера, так что собака ваша лаять перестанет. Стоимость дозы – девяносто девять долларов.

Автор (*переводя дух*): В рублях по официальному курсу, надеюсь, примете?

Отсчитывает деньги.

Торговый агент: Разумеется.

Передает Автору полиэтиленовый пакетик с щепоткой бесцветного порошка. В кейсе мелькает еще множество полиэтиленовых пакетиков с разноцветными порошками и пилулями.

Погодите, я вам фирменно упакую.

Извлекает пустую пластиковую коробочку с крышкой, надрывает пакетик с ядом и аккуратно пересыпает в коробочку. После чего плотно завертывает крышку и торжественно вручает покупателю.

Автор (*читает на коробочке*): Порошок Папы Карло. Приправа от Т. (*Удивленно*). А что такое Т.?

Торговый агент: Тараканы. Забыл предупредить. Мы не входим в намерения покупателей, а условно, для соблюдения законности сделки, считаем, что яд приобретается ими против тараканов. Однако при продаже товара обязаны предупредить клиента о всех существенных свойствах нашего товара, в том числе вредном побочном воздействии на другие организмы. Таково торговое законодательство, которого мы свято придерживаемся. Вот я вас и предупредил о побочном воздействии препарата на организм крупных домашних животных. Понимаете, что я имею в виду?

Автор: Еще бы!

Торговый агент (*со вздохом честного, постоянно от этого терпящего человека*): Некоторые из отпускаемых нами препаратов на тараканов как раз не действуют. Но согласитесь,

не можем же мы запретить клиенту использовать неэффективное средство против тараканов? Желание клиента – закон для продавца.

Автор: Я понимаю. Приятно было с вами познакомиться, Саша.

Торговый агент: До свидания! Если возникнет желание еще кого-нибудь отравить, обязательно обращайтесь в нашу фирму. После трех покупок покупатель получает дисконтную карту.

Уходит. Автор остается в одиночестве.

Автор (*сам себе, по устоявшейся писательской привычке*): До чего приятно общаться с представителями опасных профессий: сутенерами, наркодилерами, торговцами оружием и ядовитыми веществами! Всегда войдут в интимное положение клиента, подберут лучшее, завернут в папиросную бумагу, крепко пожмут руку на прощание. Люди суровой профессии, а такие душевные!

Сцена 4

На следующий день. Автор, с коробочкой «Приправа от Т. Порошок «Папы Карло» в руках, расхаживает по комнате и размышляет вслух. Сначала размышляет, потом начинает самооправдываться, выкладывая заветные аргументы один за другим. Немного погодя садится за стол, на который выставлена тарелка с яйцами вкрутую, и расстроено перекусывает.

Автор: Все зло на земле от женщин. Есть в женщинах, в этом сексуальном притяжении и противостоянии полов что-то нетривиальное, скотское, нечеловеческое – демоническое, одним словом. Взять, к примеру, душераздирающую историю моей семейной жизни. Разве это не история о том, как демоническое начало исподволь проявляется в женщине, а с течением времени полностью овладевает ей, начинает доминировать? Основной мотив этой истории большинству мужчин, несомненно, хорошо знаком.

Когда я познакомился со своей будущей женой, она казалась – да наверняка и была – стройной, как щепка, милой и чистосердечной девушкой. Не было ничего удивительного в том, что я с ней быстро сошелся, как сходятся миллионы молодых юношей с миллионами молодых, похожих на щепки девушек. Как пишут в женских романах, они полюбили друг друга, а полюбив, захотели связать свои жизни в один крепкий семейный узел. В момент, когда этот многообещающий узелок туго завязывался – как выяснилось годы спустя, на моей шее, – я не имел относительно предмета своего выбора никаких сомнений. Как говорилось, подруга была милой и чистосердечной девушкой, с которой было приятно не только ложиться в постель, но даже разговаривать. Мы и разговаривали – в постели, разумеется, – пока на память об этих ни к чему не обязывающих душевных разговорах и не была затянута упомянутая удавка.

Страшно вспомнить, но начиналась семейная жизнь лучезарно. В первые годы супружества я был несомненно и глупо счастлив, возвращаясь после работы домой и находя в нем приветливое домашнее создание, готовившее суп и нянчившее ребенка. То есть ни о каком перерождении жены в демона речи пока не шло.

Опознать демона удалось намного позже. Первая ссора – не вспомнить уже, по какому поводу, – случилась вскоре после рождения ребенка. В тот момент я, неопытный еще семьянин, с чувством умиления перед первым недостатком характера, наконец-то обнаружившимся у недавней спутницы жизни, подумал: вот же, идеальных людей не бывает! Жена была не идеальным, но оттого не менее любимым существом, хотя, конечно, относительно вылетевшего из памяти предмета спора добросовестно заблуждающимся.

Несмотря на по-человечески христианское и по-христиански всеобъемлющее чувство всепрощения, возникшее у меня при первой ссоре с женой, не удалось избежать второй ссоры, за ней третьей, четвертой и так далее. Ссоры повторялись, пока ребенок вырос, а поскольку

ребенок вырослел постоянно, то и ссоры продолжались постоянно, хотя и не приняли еще необратимого характера.

Именно в тот обратимый и от того по-прежнему сладкий период супружеской жизни я начал подозревать, что в жене время от времени поселяется какое-то другое существо, злобное и находящее удовольствие возражать мне по самым неожиданным поводам: например, куда поставить чайник с заваркой или в какое время суток ходить в магазин. Ставить чайник с заваркой надлежало носиком от стены, чтобы стена – кафель, между прочим! – не запотевала от пара, а ходить в магазин – после обеда, потому что завоз продуктов в магазины осуществляется, по расчетам жены, ближе к полудню. Таким образом, покупатели, пришедшие в магазин после обеда, покупали свежую морковь, в то время как пришедшие с утра – просроченную.

С моей точки зрения, данные концепции выглядели сомнительно, тем не менее я усердно соблюдал установленные требования, не понимая только, отчего моя малейшая оплошность вызывает у жены несоразмерную оплошности реакцию. Жена обижалась, начинала кричать, иногда плакать. В эти шумные моменты выяснялось, что я не так уж и заботлив и благоусмотрителен, как мне самому казалось. Начав с чайника или магазина, жена незаметно для самой себя, но вызывающе нелепо для классической логики, которую я в силу филологического образования свято уважал, переходила на посторонние темы, в которых я в свое время проявил себя не с лучшей стороны, а заканчивала, в зависимости от настроения, иногда совсем уж смехотворными претензиями, о которых и говорить-то неловко.

Когда по очевидным нелепостям возникала очередная обида, я замечал, что общаюсь уже не с женой, а с другим существом в ее облике, поселившимся в жене и неизвестным науке способом временно завладевшим ее сознанием. Если бы это существо проявило себя раньше, в необязательные времена нашего знакомства, я бы, конечно, и не подумал завязывать какой-то там узелок на собственной шее, однако дело было сделано. Ничего не оставалось, как считать ссоры с женой спорадическими, случайными, вызванными несколько большей, чем первоначально предполагалось, неидеальностью ее характера. Тем более что за ссорой всегда следовало примирение. Прежнее сознание – тогда я наивно полагал, что это здравый смысл и любовь, – неизменно возвращалось к жене. Мы становились счастливы опять, как некогда, хотя это составленное после скандала счастье нельзя было сравнить с прошлым, нераздельным и полноценным. Это была уже не идеальная, однако еще благополучная, вполне пристойная – да чего уж там мелочиться! – счастливая семейная жизнь.

К несчастью, демон все чаще и чаще завладевал сознанием жены, причем подобные переживания становились раз за разом продолжительней, а последствия тяжелей. Ссоры не были нужны ни мне, ни ей, но зачем их тогда провоцировать? Вот этого я, сколько ни ломал голову, не мог объяснить как-то иначе, чем происками демона. Ни мне, ни моей жене ссоры не были нужны, но ссоры могли оказаться на руку демону как существу из темного потустороннего мира, задумавшему обратить в руины наш светлый богоданный человеческий мир. Это были явные демонические провокации, которым надлежало дать адекватный и равновесный ответ.

Такой адекватный и равновесный ответ был дан: я объявил демону, овладевшему сознанием жены, ответную войну. Я попытался приручить демона или поставить под свой контроль посредством взвешенной аргументации и ласки, главное – ласки. Я пытался объяснить с женой в минуты помутнения ее рассудка, пытался объясниться после, пытался ничего не объяснять, а вести себя как с больным человеком, которого нужно только жалеть, и ничего больше – не вышло. Через несколько лет постоянных попыток решить дело миром мне предстояло убедиться в их тщетности: это существо из альтернативной вселенной было не только злобно, но и чертовски изобретательно. Завладев сознанием жены, оно сохраняло ее память, которую беззастенчиво использовало против меня. Пользуясь понятным отцовским чувством, питаемым мной к ребенку, существо всегда выясняло отношения в присутствии ребенка, чего я панически боялся, или откровенно использовало ребенка в качестве заложника, переводя

мои упреки в свой адрес в сторону ребенка. Выходило, что я в чем-то упрекаю ребенка: или не желая его достойно обеспечивать, или делая что-то ему во вред, или просто не забываясь о ребенке требуемым образом, – тогда как жена скандалит не от своего имени лично, а, так сказать, от имени ребенка, за его лучшее и светлое будущее. Никакие доводы, внятные любому нормальному человеку, на разбушевавшегося демона не действовали, а наоборот, только веселили развязную тварь, доказывая уязвимость моей аргументации, слабость моих логических и моральных бастионов. Одержав одну локальную победу, демон на ней не успокаивался, а накапливал информацию и силы, чтобы в следующий раз ужалить в больное место с еще большей наглостью и настойчивостью.

Потерпев в приручении демона фиаско, я откровенно растерялся, запаниковал, махнул рукой на семейную жизнь и лишь с любопытством беспристрастного исследователя наблюдал за перерождением, совершавшимся на моих глазах.

Странно, что со стороны все более и более частые вселения нечеловеческого существа в сознание жены не замечались никем из окружающих. Демон был настолько хитер, что с неподражаемым артистизмом притворялся перед нашими общими знакомыми и родственниками женой автора, будто ничего, ровным счетом ничего не происходит. Ну, может, муж изредка огорчает жену, но в целом – обыкновенная семья, со своими, прямо скажем, не выдающимися семейными радостями и проблемами. Лишь оставаясь со мной в одиночестве – вернее, в присутствии постоянно взрослеющего ребенка – демон начинал изгаляться над здравым смыслом, как не приведи Господи. Причем демону хватало ума изгаляться над моим здравым смыслом, но не непосредственно над ребенком, которому по причине несовершеннолетия и недопонимая всего и мной-то с трудом понимаемого и воспринимаемого цинизма превращения матери в демона, казалось, вероятно, что именно мать защищает его от бесчувственного и эгоистичного отца.

Ну ребенок, несовершеннолетний, а потом хотя бы и совершеннолетний, ладно... Меня всегда поражало, как взрослые посторонние люди могут не замечать хитростей и притворства демона, столь заметных для меня самого. Вместе с тем я понимал, что доказывание демонической сущности жены моим знакомым, хотя бы самым близким знакомым и друзьям, чревато косыми взглядами и переменной темой. Знакомым и друзьям могло показаться подозрительным, что человек ни с того ни с сего начал подозревать свою жену, с которой прожил пару десятков лет, во вселении в ее тело потусторонней сущности. Это могло закончиться неизвестно чем, поэтому я предпочитал заниматься научными исследованиями молча. Вместе с тем, наблюдая за друзьями – людьми, естественно, женатыми – не мог не заметить, что друзья тоже не прочь поделиться со мной чем-то наболевшим, сокровенным, но тоже как бы побаиваются – видимо, нечуткости в обсуждении личной темы. Последующие кропотливые наблюдения в течение... ну, десятилетия с хвостиком... привели к неопровержимому выводу: демоны овладевают подавляющим большинством особей женского пола в срок от трех до двадцати лет с начала замужества. Максимум через двадцать лет сознание женщины – до выхода замуж милого и чистосердечного существа, каким независимо от половой принадлежности рождается большинство людей – полностью растворяется, а место исчезнувшего человеческого сознания занимает сознание демона. С этого момента женщина как человек умирает. Не считая, конечно, тех законченных оторв, которые не имеют ничего человеческого задолго до первого замужества, видимо, со времен первой менструации.

Доказательства? А какие еще нужны доказательства смерти, когда человеческое тело перестает реагировать на голос рассудка? Когда оно оскорбляет близкого человека, с которым имеет общий кров и ребенка, а перед остальными людьми притворяется нормальным человеком, но главное – не перестает оскорблять, оскорблять, оскорблять мужа, жалить его каждым словом, выражать недовольство каждым взглядом и каждой позой.

В этом смысле я благодарен судьбе, даровавшей мне жену с максимальным сроком перерождения. Однако двадцать лет супружества истекают: в самое ближайшее время должно было завершиться окончательное перерождение жены в неконтролируемое разумными увещеваниями нечеловеческое существо, так что сейчас мне приходится ничуть не легче, чем остальным мужьям, которым изначально повезло значительно меньше. Поверьте, я дорого бы заплатил за то, чтобы вернуть в тело жены ее первую обитательницу – ту урожденную милой и чистосердечной стройную, как щепка, девушку, с которой некогда так легко и непринужденно ложился в постель, – но не знал, как вернуть. Не в силах переносить так называемую семейную жизнь, а не только из-за невыносимого желанья создать бессмертный литературный бестселлер, я решился на такой отчаянный шаг, как отравление.

Моя жена все равно мертва, так пусть ее отравление, чем бы оно ни закончилось – перерождением или смертью – послужит великой русской литературе, творческому процессу сочинения криминального бестселлера, достойного пера Федора Михайловича Достоевского! А может, кто знает, и шедевр удастся написать, и жену вылечить, навсегда освободив ее от потустороннего демона?

Поворачивается в сторону кухни. Теперь видно, что на кухне, спиной к Автору, находится жена, что-то хлопочущая по хозяйству.

Дорогая, как у тебя дела?

Жена (с кухни): На дурацкие вопросы не отвечаю.

Автор (отворачивается): Вот видите, на дурацкие вопросы она не отвечает. Понимаю, она занята – она варит себе картофельный супчик. Она вся, с головы до пят, сосредоточена на процессе приготовления пищи, поэтому ей недосуг лишний раз поворочать языком. Хотя знаю: окажись на моем месте любая из ее многочисленных подруг, тот же самый язык ворочался бы не переставая, никакой картофельный суп не помешал бы. Но родной муж – другое дело, с ним можно не церемониться, особенно если считать себя пострадавшей стороной.

Вот она помешивает половником в кастрюле, нахохлившаяся и оскорбленная... хотя чем я мог ее оскорбить, если мы друг с другом уже две недели не разговариваем? Не понимаю, разрази меня гром, чем я мог оскорбить ее сегодня, не произнеся за день ни единого слова, кроме единственной невинной фразы: «Дорогая, как у тебя дела?» Тем не менее наблюдаю: оскорбленная спина каждым своим изгибом выражает ту непреклонную уверенность, что ее муж – поганец. Она по ошибке посвятила жизнь поганцу – вела общее с ним хозяйство, общалась с ним, даже родила от него ребенка, – но все это делала по ошибке. Бог ты мой, какая выразительная спина и какая трагическая ошибка! Однако я сильно подозреваю, что ошибка запрограммирована самой природой: окажись на моем месте другой мужчина, жена по истечении некоторого времени посчитала бы его точно таким же поганцем, как я, с которым общалась по ошибке и от которого по ошибке родила. Я случайно оказался на месте ее мужа и страдаю из-за теории вероятности. Возможно, в случае другого мужа причина ее ненависти к сильному полу оказалась бы сформулирована иначе, но уверяю, результат получился бы тем же самым. Так подсказала бы ее женская демоническая сущность. Что же касается меня, нынешнего по теории вероятности мужа, я неповинен в ее несчастьях, в ее вечном недовольстве мной. Хорошо бы, чтобы жена это поняла и признала! Нет, заставить ее признать этот очевидный факт невозможно. А как заставишь, когда все разговоры – случающиеся, к слову, все реже и реже – все какие-то многозначительные и односторонние?

Вот, например, разговоры в эту минуту, когда она варит себе картофельный супчик. Кстати, почему только себе? Потому что я картофельный суп не употребляю и, чтобы не помереть голодной смертью, отварил яйца вкрутую. Допустим, мне требуется соль. «Дорогая, передай солонку, пожалуйста», – попрошу я и по напрягшейся спине сразу увижу, как отвратительна ей моя просьба. Отвратительна, унижает или оскорбляет – смотря по настроению. Отрицательную реакцию на любую мою самую невинную и недвусмысленную просьбу преду-

гадать несложно, но конкретные слова – никогда. Я могу получить какой угодно ответ. Это может быть, к примеру: «А сам жопу поднять не можешь?», – с намеком на то, что она целый день у плиты, измучилась так, что сил нет, а бессердечный муж ленится поднять жопу, чтобы взять солонку. Однако она может ответить совсем другое, внезапное. Например: «Лучше бы водопроводный кран починил!» Почему починить водопроводный кран лучше, чем получить от жены солонку, я не понимаю. Может быть, и лучше, но при чем здесь водопроводный кран? И при чем здесь солонка? А может, вспыхнув от еле сдерживаемой ненависти, прошеплет: «Соль есть вредно», как будто в последние годы совместной жизни она только и делала, что заботливо изымала из моего рациона соленую пищу. Вранье, вранье! Если ей и было дело до моего здоровья, то никак не в смысле заботы о нем – скорее, наоборот. Но все мои оправдания несущественны, потому что она может сказать нечто совершенно обратное, к примеру: «Оставил бы соль ребенку, а то всего полпачки осталось. Сам-то в магазин не сходишь», – имея в виду, что сам я, скотина мерзкая, сожрал в течение полугода пачку дефицитной йодированной соли, а голодному ребенку щепотки не оставил. Или прошеплет: «Я уже солила» – и принять обиженный вид, как будто вторично посолить суп означает нанести ей новое страшное оскорбление. А может, ни слова не говоря, шваркнуть солонкой об стол с таким видом, будто я только что совершил какой-то ужасный проступок, а теперь, вместо извинений, имею наглость обращаться к насмерть обиженному существу с ерундовой просьбой. Как я посмел, в самом деле? А может ничего не сделать и ничего не ответить, лишь вздрогнуть от брезгливого отвращения, как будто к ней прикоснулись чужие липкие пальцы – никогда не угадаешь. Проверим, что на этот раз.

Поворачивается в сторону кухни.

Дорогая, принеси мне соль, пожалуйста.

Жена: Вот еще!

Тем не менее появляется из кухни, ставит на стол солонку и уходит.

Автор: Снова не угадал! Я же сказал, угадать совершенно невозможно. Что с ней такое происходит, будто и не ссорились вовсе?! Да уж, семейная жизнь сложна и непредсказуема, но все в этом бренном мире когда-нибудь заканчивается – закончится и она. А если не закончится, значит, изменится в лучшую сторону, потому как изменяться в худшую сторону уже некуда. Так мне пообещала одна уважаемая фирма, лидер на рынке фармацевтических продуктов.

В сторону кухни.

Ты не забыла поперчить супчик, дорогая?..

Сцена 5

Там же через несколько дней. Вечер – в окно светит яркая луна. Закутанный в одеяло Автор лежит на диване и замороженно на луну смотрит. Из кухни выходит жена.

Жена: Сегодня в магазин хлеб мягкий завезли, из пекарни. Попробуй, какой горячий.

Автор: Не хочу.

Жена: Да и черт с тобой... Какой-то ты сегодня не такой.

Автор: Какой не такой?

Жена: Подозрительно задумчивый.

Автор: Болею.

Жена (удовлетворенно): Ага, понятно, что болеешь... (Каким-то – экспериментальным, что ли – тоном). Хочешь... рыбу тебе пожарю?

Автор: Это ты сегодня не такая. Ты же рыбу на дух не переносишь. Обычно, если я тебя прошу приготовить рыбу, брезгливо мне отвечаешь: «Фу, какая гадость! Она же рыбой пахнет!». Твои подлинные слова.

Жена: Ну как хочешь... Мне-то, в конце концов, что за дело?

Гордо удаляется на кухню.

Автор (*самому себе*): В самом деле, что это с ней? Неужели порошок Папы Карло подействовал? Ай да порошок!

Хотя нет, не подействовал – не мог так быстро подействовать, поэтому на лучшее надеяться не приходится. Вероятно, обыкновенная демоническая провокация. Сначала, как водится, притворяется человеком, потом – в самый неожиданный и потому болезненный для мужа момент – выскакивает наружу: или выкрикивает какую-нибудь особую скабрёзность, или делает какую-нибудь непредставимую гадость, которую особенно тяжело принимать от близкого и родного человека.

Просто демон научился притворяться еще более лицемерно, чем прежде. Спросить у мужа, не приготовить ли на ужин рыбу! Подумать только – на ностальгические чувства, что ли, эта циничная тварь рассчитывает? Может, еще прекратит повышать голос по всякому поводу и без повода? Или подушку с одеялом принесет, бережно застелет на диван и скажет, целуя мужа в натруженный лоб: «Отдохни, любимый!» Или спросит: «Любимый, мне сегодня пол пропылесосить нужно. Когда лучше, чтобы тебе не помешать?» Или пододвинется поближе со словами: «Милый, я тебя люблю. Как хорошо, что ты у меня есть». Сука, лицемерная сука! «Хочешь, я тебе рыбу пожарю, любимый?» Так издеваться над мужем, который тебе ничего плохого не сделал! Который работает как проклятый, чтобы прокормить семью! Который вынужден сносить ежедневные оскорбления, а на людях изображать легкую семейную размолвку, хотя в минуту проявления демонической сущности с удовольствием удушил бы виновную.

В комнату входит жена.

Жена: Любимый, мне сегодня пол пропылесосить нужно. Когда лучше, чтобы тебе не помешать?

Автор: Что??? Как ты меня назвала?

Жена: Любимым.

Автор в ужасе отшатывается и надувается, словно красный воздушный шарик.

Автор: Сука! Сука! Что ты делаешь? Что ты делаешь? Как ты можешь быть такой лицемерной? Что ты мне тычешь в рожу своим пылесосом, когда всю жизнь испоганила? Зачем притворяешься, думаешь, я не знаю, что ты обо мне думаешь? Мне все о тебе известно? Явилась из загробного мира и полагаешь, никто не заметит? Как ты могла на это понадеяться? Посмотри на себя, в тебе же ничего человеческого не осталось – только слепец может принять тебя за человека. Но меня-то ты не проведешь, сколько ни притворяйся! Мне известно, кто ты на самом деле: злобная нечеловеческая тварь, с которой невозможно договориться по-человечески. Ты не человек, ты другая – это о тебе сняты фильмы «Чужой», «Нечто», «Тварь из преисподней» и «Бруклинский вампир». И тебе тоже известно, что мне о тебе все известно. Спишь и видишь, как свести меня в могилу. Твоя, как и остальных женщин, заветная мечта: чтобы мужья обеспечили вас на всю вашу оставшуюся нечеловеческую жизнь, а потом сдохли. Зачем мужья нужны, когда они свидетели вашего перерождения? «Прости, дорогой муженек, я буду о тебе вспоминать, если мне не останется завещанного тобой содержания, а в остальном покойся с миром!» Кишки ты мне совсем выела, сука, и душу вымотала.

Жена удовлетворенно смотрит на мужа и убегает на кухню. Слышно, как она набирает телефонный номер. Затем из кухни раздается ее оживленный голос.

Жена (*радостно*): Галя, здравствуй. (*Сочувственно*). Я тебя не отвлекаю, нет? Послушай, у меня тут такие дела. (*Показательно рыдает в трубку*). Мой-то как с цепи сорвался. Представляешь, я ему хотела ужин поставить, спросила, что лучше сделать, его любимую рыбу надумала пожарить, а он как вздыбится, как на меня набросится! Полчаса орал как ненормальный. (*Пауза, во время которой боевая подруга высказывает слова одобрения и успокоения*).

Вот я то же самое ему сказала! «Какое хамство!» – говорю я ему. – «Какое хамство так измываться над женой!» Он что думает, я ему теперь вечно буду ужины готовить? Да сдался он мне, мужлан проклятый. Пользы от него, как от козла молока. Нашел себе домработницу, которая его и обстирывать будет, и кормить, и гавно за ним подтирать. Да пусть погибает, черт с ним.

Оглядывается в комнату и прикрывает дверь, в результате чего голос становится неразборчив. Автор, который все слышал, приподнимается с подушки и хватается за голову.

Автор: И это то самое загубленное существо, которое, как я надеялся, встанет на путь осознания и исправления? Это его я, сострадательный человек, надеялся излечить при помощи порошка за девяносто девять долларов (какие деньги напрасно потратил!)? Этого демона, который обосновался в теле жены, как в безопасном убежище, и хохочет оттуда при первом удобном случае? Это загробное существо, которое из вредности превратило мою жизнь в ад? Которое ежедневно изводит меня? повышает на меня голос? вылевывает печень? требует не бить газетой кровососущих насекомых на потолке, а засасывать пылесосом (sic!)? вытягивает из организма последние жилы? орет, как отравленная: «Не пачкай грязными ботинками половой коврик!»? усаживается мне на затылок, чтобы долбить черепную коробку? требует ставить чайник носиком от стены, а посещать универсам исключительно после обеда? больно жалит, как только ее раздвоенный язычок выскакивает изо рта, что происходит на каждом вдохе и выдохе? забирает все заработанные мной деньги и при этом еще недовольна, что мало заработал?

Нет, не может такого быть! Не поверю, чтобы я настолько низко пал, что мог пожалеть это обернутое в халат потустороннее существо. После стольких безуспешных попыток договориться о мирном существовании, вернуть семейную идиллию в прежнее русло у меня не могло остаться к этому существу ни жалости, ни ностальгических иллюзий. Просто я утомился. Почувствовал себя не в своей тарелке, отчего в больной голове все перемешалось: жены, демоны, собаки и тараканы. Жену не могло быть жалко, потому что ее захватил вездесущий демон. Демона не было жалко, потому что он заставлял некогда любимую жену лаять, как собака. Собаку не было жалко, потому что никакого особаченного соседа у меня отродясь не бывало, следовательно, и травить было некого. А вот тараканов...

Автор скатывается с дивана и, в поисках тараканов, забирается под него, не забывая при этом произносить монолог.

Несчастные, мирные животные, вы-то чем провинились? Вы незаметно бегае по щелям, не делая ничего плохого, и лишь испуганно вздрагиваете хрупким телом, когда зловещий тапок взмывает над вашими головами. Молитесь, чтобы зловещее орудие убийства – зловещее, ибо единственное из всех орудий убийства убивает расплющиванием – задело по пути табуретку, отчего вы успели бы ускользнуть под спасительный плинтус, где спокойно перевести дух. Дрожите всем телом, боясь высунуться наружу. Но и расползаясь по щелям, тоже боитесь. Боитесь всего: того, что вас вытащат из щели за лапу и все-таки расплющат, и того, что случайно заденете оголенный электрический провод, и всего остального, что только способна изобрести ваша до смерти перепуганная фантазия, но более всего боитесь отравления. Садисты в домашних халатах изобрели массу веществ – твердых, жидких и газообразных, – вызывающих околевание и высыхание ваших по-спортивно плоских тел. Безжалостные истребители насекомых, люди разбрасывают, разливают и распыляют эти вещества всюду, куда только достают их пальцы, шланги и распылители, отчего беззащитные тараканы околевают и высыхают в самых непригодных для этого укромных уголках. Но и этого мало: даже вещества, не предназначенные для убийства тараканов – в частности, порошок Папы Карло – действуют на тараканов пагубным образом. Человеческие жены лишь сходят с ума, однако насекомые гибнут не понарошку. Их никто не отвозит в сумасшедший дом, чтобы лечить в условиях стационара, не подает по утрам судно, не кормит из мисочки, не прикладывает к черной спинке стетоскоп, спрашивая: «Вам лучше, больной?» Немногие экологические голоса в защиту насекомых глушатся официальной пропагандой. Более того, тараканы –

по понятным причинам – не могут обратиться к адвокату, что неслыханным образом нарушает их административные права. О тараканах некому позаботиться, поэтому они самые обездоленные существа на земле. Люди, будьте гуманны! Не обижайте тараканов!

Жена выглядывает из кухни и некоторое время слушает. Потом кидается к телефону, на радостях забывая притворить дверь.

Жена: Галя, Галя, это снова я. Послушай только – мой-то совсем рехнулся! Нет, не понарошку, а взаправду. Ты догадайся, что он сейчас предложил? Догадаешься? Сказал, что убивать тараканов негуманно, потому что каждая капля тараканьего яда может быть использована на более человеколюбивые цели, ты представляешь! Если бы ты только слышала! Вообще, он последние дни сам не свой: бормочет что-то, заговаривается, на луну часами смотрит. Часами, представляешь? Вчера целый вечер смотрел не отрываясь. А с утра на меня наорал, чтобы я телевизор выключила, потому что, понимаешь ли, ему эти телевизионные рожи видеть тошно. По-моему, это рецессивной сугрессией называется. Да, вот именно, рецессивной сугрессией. Как считаешь, нормальный он после этого?

Пауза, во время которой Галя на том конце провода высказывает авторитетное суждение.

Да-да, вот и я о том же! У него и голова чаще стала болеть, раньше так никогда не болела. Может, он такой ненормальный от лекарств сделался: наглотался в детстве анальгина, а на старости лет начинает сказываться? Как думаешь, может шизофрения развиваться из-за анальгина? Он же шизофреник, у него чувство реальности утеряно. И книги такие странные, одна странней другой: чем дальше, тем странней. А знала бы ты, какую ахирию он сейчас пишет, прочитаешь – не обрадуешься! Про рыбалку, представляешь? Полный бред, читать невозможно. Пыжится, пыжится сутками напролет, только куда ему до Семеновой или Донцовой. Они намного лучше него пишут. Что?.. Как ты думаешь?.. Чего опасаться?.. Нет, с ножом на меня пока не набрасывается. Но веришь ли, Галя (*здесь голос демона, получившего новый питательный повод для размышлений, становится плаксивым*), я начинаю бояться. Вот те крест, боюсь, что в один прекрасный день на меня с ножом набросится. Он же псих законченный, по всему видно. Мне знакомые так и говорят: «У тебя муж какой-то ненормальный, сдала бы ты его в психушку, что ли, чтобы ненароком кого ножом не пырнул!» А я пока не сдаю, жалею. Все-таки столько лет вместе прожили, может, поправится еще... Нет, нет, Галя, не надо меня утешать. Я все выдержу: и тараканов его поганых, и луну, и телевизор выключенный. Выдержу даже, если муж в сумасшедшем доме окажется, хотя силушек моих терпеть его глупости не осталось. Все нервы, подлец, измотал. Мне бы, по-хорошему, в санаторий поехать подлечиться на месяц, да куда там...

Автор, закончивший монолог о тараканах, заглядывает на кухню. Что-то на кухне высматривает.

Ай! Галя, извини, я тебе потом перезвоню!

Автор: Нож где?

Жена (испуганно): Какой нож? Зачем тебе нож?

Автор: Костромской сыр порезать.

Жена (с явным облегчением): Ступай ложись, сама порезу!

Автор возвращается на диван. Жена отрезает кусок сыра, небрежно бросает на тарелку и относит мужу, после чего бегом возвращается к телефону.

(Плаксивым тоном). Галя, Галя, ты знаешь, что сейчас было? Зашел на кухню и спрашивает, где ножик... ему, видишь ли, костромского сыра захотелось порезать. А я не верю ему, ну совершенно не верю, что это он сыр порезать хотел... Он, по-моему, все больше и больше на острые предметы косится. Имею я право за свою жизнь опасаться или не имею? Вдруг схватит тесак, да мне вместо костромского сыра по башке съездит? А у меня ребенок, он с каникул скоро возвратится, что тогда? Да и мне на тот свет из-за его шизофренических замашек

рановато, как думаешь, а? Может, действительно психиатрическую неотложку вызвать? Пускай его посмотрят, продиагностируют в лечебнице, как полагаешь? Чувствую я, чувствую, без неотложки не обойдется... так, может, ее заранее вызвать? Ему же лучше: чем раньше к лечению приступят, тем раньше вылечат. Как думаешь? Если еще раз ненормально себя поведет, сразу же вызывать? Вот и я думаю. Пока, Галя, – пойду, посмотрю на него, а тебя буду держать в курсе дела.

Выглядывает из кухни. Автор уже за компьютером, пытается работать.

Автор: Где, черт возьми, отвертка? Принеси мне отвертку! Я не могу больше сидеть на этом стуле, потому что он разболтался. Я его подкручу.

Жена взвизгивает и скрывается в кухне, откуда слышатся гудки набираемого номера и взволнованная женская трель, сквозь общий поддельно-трагический тон которой прорываются торжествующие нотки.

Жена: Алло, неотложная психиатрическая помощь? Приезжайте, пожалуйста, у меня муж свихнулся! Я за свою жизнь опасаясь и за жизнь ребенка в особенности. У меня ребенок завтра с каникул возвращается, а у мужа чувство реальности утеряно. Нет, на психиатрическом учете не состоит, но уверяю вас, настоящий сумасшедший. Разговоры какие-то ненормальные и поведение неадекватное. Сейчас вот отвертку попросил, а зачем она ему? Не иначе как психическое обострение. А еще на луну глядеть обожает и в обмороки бухается... Приезжайте поскорей, пока худа не случилось.

Автор, так и не дождавшийся отвертки и оставивший всякую надежду починить разболтанный стул, ложится на диван. Жена трусливо следит за ним из кухни. Через некоторое время слышится звонок в дверь.

Это ко мне!

Бросается открывать. В комнату проходят Врач с Санитаром из неотложной психиатрической помощи. Жена о чем-то коротко беседует с ними на пороге, после чего прячется за спины медицинских работников, знаками указывая на Автора. Тот, пока супруга открывала дверь, успел подняться с дивана и теперь снова постукивает по клавиатуре.

Врач (обращаясь к Автору): Здравствуйте, больной.

Сцена 6

Темное помещение, темное – оттого что на улице раннее утро, а свет не включен. Автор, у которого в руках листы бумаги, зачитывает текст, проверяя его на благозвучие.

Автор: Здравствуй, любимая. Пишу, не будучи уверен, дойдет ли мое письмо до тебя и даже – смогу ли его отправить. Поэтому не знаю, прочитаешь ли ты когда-нибудь эти строки, прольешь ли две-три горькие слезинки над ними. Может, и прольешь, хотя уверенности в этом нет.

Если ты все еще заботаешься о здоровье своего бедного мужа, спешу сообщить, что мне гораздо, гораздо лучше. Не переживай за меня, любимая, – в настоящий момент я здоров как бык! Головокружения прошли совершенно, а головные боли беспокоят эпизодически, тем более я перестал любоваться по ночам на луну, зато в состоянии любоваться телевизионными передачами, во всяком случае, теми немногими из них, которые этого достойны. Короче, моя депрессия в прошлом – я излечился, как излечивается большинство больных, и что в этом особенного?

Пишу, однако, не затем, чтобы осведомить тебя о состоянии своего здоровья, а затем, чтобы объяснить. Вероятно, нам – когда еще мы оставались вместе, – следовало объяснить, да твое демоническое состояние не позволяло. Теперь же, когда мы существуем поврозь, на безопасном друг от друга отдалении, я способен высказать тебе все свои мысли начистоту, а ты способна выслушать не перебивая. В этом преимущество эпистолярного жанра, который я

как человек, утружденный профессиональным сочинительством, раньше на дух не переносил, а теперь вот сам практикую и другим советую.

Конечно, нас обоих не могла не взволновать эта сумасшедшая история с сумасшедшим домом, ввиду которой наше супружеское единение оказалось нарушено. За время своего нынешнего одиночества ты наверняка многое передумала и, уж конечно, многое для себя уяснила... однако многое в произошедшем наверняка остается для тебя загадкой, объяснить которую способен лишь твой пишущий эти печальные строки супруг. Именно того я и добиваюсь – объяснить то, что тебе непонятно, – поэтому начинаю с того самого момента, когда у меня появилось неудержимое желание... ну, ты понимаешь!

Эка невидаль, убить жену! Время от времени оно появляется у девяносто девяти процентов мужей, а оставшийся процент просто, по причине склероза, о нем позабыл. В желании избавиться от надоевшей половины я не был одинок или преступен. Только не рассказывай, что у тебя никогда не возникало желания стать вдовой! Такое желание наверняка появлялось: убежден, что черное вдовье платье ты неоднократно примеряла в мыслях – в этом жены ничем не лучше мужей. Да, собственно, твое встречное намерение отправить меня в сумасшедший дом есть не что иное, как желание покрасоваться в черном вдовьем платье, ибо где муж покоится, на кладбище или в сумасшедшем доме, не имеет принципиального значения.

Итак, я захотел тебя убить – или отправить в сумасшедший дом, что одно и то же, – однако, захотев, не предпринял никаких действий, а излил подсознательное желание в рукописи. Лишь в безобидной рукописи... с которой ты втайне от меня ознакомилась.

Ты полагала, мне неизвестна твоя неистребимая привычка лазить по мужниным файлам, как большинство жен лазит по мужниным карманам. По файлам или карманам, какая в сущности разница? Ты лазила по моим файлам, читала мои незаконченные рукописи, как будто могла в них что-то понять, и делала какие-то свои, вроде бы неизвестные, но легко угадываемые выводы. Конечно, это были выводы для меня нелицеприятные. Ты лишняя раз залезала мужу в душу и ковырялась в ней своими по-женски неумелыми пальцами, переполняясь тщеславием от чувства своего мнимого превосходства над супругом. Но даже простейший сюжетец с убийством жены не привлек бы твоего внимания, если бы не был написан от имени автора. Однако в сюжете фигурировал автор... Ну как же, автор, замысливший убить жену! Ты догадывалась, насколько тесно во мне, натуре творческой и целеустремленной, переплетены низкая реальность и высокий художественный вымысел, и всполошилась, прочитав о порошке, который герой рукописи прикупил для освобождения от семейного счастья. В рукописи говорилось: автор спрятал препарат «в глубине своего вместительного письменного стола, среди черновиков, старых дисков с копиями и другого канцелярского хлама». Не правда ли, очень напоминает мой письменный стол, наполненный таким же канцелярским хламом?

Зная тебя и твое неразвитое прямолинейное воображение, я несколько не сомневался, что первые опасения по поводу, а не слишком ли реальность и вымысел перепутались в моей больной голове – точнее, не является ли вымысел точной копией реальности? – у тебя зародятся. А когда зародятся, тебе захочется поскорей проверить, насколько они оправданны. Поэтому ты не преминешь порыться в ящиках письменного стола мужа на предмет, нет ли в нем маленькой коробочки с бесцветным безвкусным веществом, скрытым под этикеткой «Порошок Папы Карло. Приправа от Т.».

Каково же, надо полагать, было твое изумление и озлобление, когда ты и в самом деле обнаружила в моем письменном столе такую коробочку и такое вещество. Тут-то ты и смекнула, насколько вымысел соответствует реальности, а реальность – вымыслу, и еще раз убедилась, какая бессердечная скотина твой муженек, не только задумавший спроводить жену в сумасшедший дом, но и цинично описывающий свои переживания в бездарном бестселлере. «Он хочет меня отравить!» – наверное, вздумалось тебе закричать на весь белый свет, а может, мелькнула мысль, что уже успел отравить тебя – «Ах, боже! Муж меня отравил!», – однако

отсутствие симптомов отравления и документальных подтверждений злодейского умысла остановили тебя. Не считать же доказательством рукопись, пусть в некоторых деталях подозрительную, тем не менее рукопись художественного произведения, а также спрятанное в письменном столе средство от тараканов?

Ты всегда утверждала, что я знаю тебя недостаточно хорошо... но все-таки я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы представить подленькую реакцию в подобной двусмысленной ситуации: промолчать, сделать вид, что тебе ничего не известно, но отравить мужа его же препаратом. Тебе прекрасно известно, моя любимая, что ты так и поступила – ты задумала меня отравить, для чего перепрятала находившийся в баночке порошок, а баночку тщательно вымыла, пересыпав на место порошка Папы Карло безобидные витамины, какой-нибудь размолотый компливит или альфавит, я полагаю. Я, по твоей дьявольской задумке, должен был подсыпать жене в картофельный суп красный перец с витаминами, а уж ты супругу в вареные яйца – перемешанный с солью яд... Не правда ли, все было в точности так, как я рассказываю?

Нет, я вовсе не осуждаю твоих бесчеловечных намерений, демон. Тебе ведь в самом деле казалось, что муж желает спроводить тебя в сумасшедший дом – а раз так, отчего нельзя спроводить в сумасшедший дом мужа? Ты была взбешена предполагаемым с моей стороны отравлением и жаждала ответить той же каверзной монетой, не подозревая, что художественный вымысел и непредсказуемая реальность в некоторых своих частностях не совпадают. В частности, встреча с торговым агентом и покупка у него порошка Папы Карло, этой злополучной коробочки с приправой от тараканов, была от начала до конца мной вымышлена. Не было – увы и ах! – никакого торгового агента в фирменной маечке с аптечной змеей, как не было и порошка Папы Карло. До сих пор не знаю, что такое бензоатный дихлоэцителен... хрень какая-то. А что же тогда коробочка, обнаруженная тобой в глубине моего письменного стола, с которой и началось наше разъединение, с которой литературный вымысел, преодолев барьер времени, свободно излился в реальность? Коробочка, как ты понимаешь, была – в ней находились размолотые в порошок заурядные витамины... так что травила ты меня безвредными витаминами, как и опасалась быть отравленной ими же.

В результате переплетения реальности с вымыслом я имел несчастье убедиться, что ты готова пойти на любое преступление против мужа, лишь бы подходящий повод нашелся. Как будто я не знал этого раньше! Дело ведь в подходящем поводе, а не в нравственных муках. Если муж или жена мечтают овдоветь, они уже нравственно созрели для убийства, и если не убивают свою осточертевшую половину, то только из-за отсутствия подходящего повода или способа, но не из-за непереносимых мук нравственности. Сей грустный факт ввергнул меня в депрессию, которую по неразвитости и легковесности своей натуры, равно как и отсутствию медицинского образования, ты приняла за сумасшествие.

Убедившись, что порошок Папы Карло действует и, следовательно, твоя афера со встречным отравлением удалась, ты позвонила в неотложную психиатрическую помощь и сама – сама, напоминаю тебе об этом первостепенном обстоятельстве, любимая! – потребовала: «Приезжайте, дорогая психиатрическая помощь! – сказала ты им. – В квартире обосновался опасный, непригодный для совместного проживания сумасшедший». Они и приехали – без всякого, как и полагается для неотложной помощи, отлагательства.

Надо было видеть произошедшую сценку – боюсь, у меня не достанет таланта достойно ее описать! Впрочем, ты сама была ее непосредственным участником, не так ли? (*Увлекаясь воспоминаниями*). Ты помнишь, помнишь, любимая, как все происходило?

Действие откатывается назад, к тому моменту, когда в комнату входят Врач с Санитаром из неотложной психиатрической помощи.

Врач: Здравствуйте, больной.

Автор: Добрый вечер.

Врач: Вы знаете, кто мы такие и зачем приехали?

Автор: К сожалению, доктор. Моя жена считает меня психически ненормальным. Она всем подругам об этом в последнюю неделю трезвонит. Может быть, переговорим наедине? Все-таки, обсуждать предстоит деликатные, касающиеся моей психики вопросы.

Врач: Что же, я не против.

Оборачивается к Жене автора и Санитару, которые проходят на кухню, причем жена с явной неохотой.

А вы сами себя считаете нормальным?

Автор: Ну, это вам определять, доктор. Вот если бы вы ко мне обратились по поводу аллитераций или амфибрахия, я бы вам, наверное, смог что-нибудь подсказать.

Врач (заинтересованно): А что такое аллитерация и амфибрахий?

Автор: Это из области литературы.

Врач (вздыхая): Понятно. Присядьте, пожалуйста, на стул и закиньте ногу за ногу.

Автор присаживается, после чего Врач стучит Автору по коленке, затем измеряет пульс.

Вы специалист в области литературы? Чем вы вообще занимаетесь?

Автор: Я – писатель. Пишу преимущественно триллеры. Подарить какую-нибудь книгу с автографом?

Врач: Ну, если не сложно...

Автор достает с полки книгу, на обратной стороне которой красуется его портрет, подписывает и дарит Врачу.

Вот спасибо. А с чего бы это вашей жене вызывать скорую? Вы что, поссорились? Вы ей угрожали?

Автор: Нет вроде бы.

Врач: Тогда зачем?

Автор: Не имею представления, доктор. Меня самого это пугает. Конечно, последние годы нашей совместной жизни нельзя назвать идеальными, однако я не заслуживаю подобной предвзятости. Видимо, навязчивая идея. Я не психиатр – хотя, как всякий писатель, немножко психолог, – поэтому не могу объяснить, что стало причиной. Неделю назад она принялась обзванивать подруг, рассказывая каждой, что я свихнулся. Какие-то нелепости, знаете. Нет, я далеко не идеальный человек, у меня тоже случается мрачное настроение, но я никому, кроме как в своих триллерах, не угрожаю. У всякого терпения, знаете ли, свой предел. Поэтому, когда она позвонила в психиатрическую лечебницу, я решил не мешать ей и дожидаться вашего диагноза. Вдруг я в самом деле сумасшедший?

Врач: Пока я этого не нахожу. С другой стороны, каждый из людей немножко сумасшедший. Вы не против, чтобы пригласить в комнату вашу супругу?

Автор: Нет, конечно. Я же с ней годами в одной комнате нахожусь.

Врач приглашает с кухни Жену, которая смотрит напряженно-выжидательно, и Санитара.

Жена (Автору): Дорогой, я тебе сейчас вещички соберу.

Врач: Думаю, не стоит, поскольку стационарное лечение вашего мужа отменяется.

Жена: Что такое?

Врач: Не вижу в этом необходимости.

Жена (нервно): Да он же псих законченный, только посмотрите на него! Ведет себя, как дебил. Пишет какие-то книги дурацкие...

Врач машинально вертит в руках надписанный Автором томик.

...чтобы их напечатали. Часами на луну смотрит, как будто ему заняться нечем. Да вы что, не видите? У него же рецессивная сугрессия в выраженной форме?!

Врач (удивляясь): Рецессивная... извините, что?

Жена: Рецессивная сугрессия!

Автор, из файлов которого жена позаимствовала лихой диагноз, позволяет себе слабую улыбку.

Врач (начинает смотреть на женщину с профессиональной заинтересованностью):
А что такое рецессивная сугрессия?

Жена (визжит): Он телевизор смотреть не может! У него сразу приступ делается.

Врач: Совсем не может? Это любопытно. (Автору). Вы позволите?

Протягивает руку к телевизионной кнопке.

Автор: Да ради Бога.

Врач включает телевизор. Телевизионный экран медленно разгорается. Автор спокойно смотрит на экран и пожимает плечами, в то время как жена, видя равнодушную реакцию мужа и не понимая ее причин, бьется в истерику и даже пытается накинуться на мужа с кулаками.

Жена: А-а-а-а-а!!!

Действие возвращается в темное помещение. Впрочем, уже совсем рассвело, поэтому помещение не такое темное. Теперь видно, что это квартира Автора, в которой происходило большинство предыдущих сцен. Автор стоит посреди комнаты с листками бумаги в руке, продолжая зачитывать письмо.

Автор: Знаю, любимая, все знаю. Я сильно рисковал, описывая на бумаге процедуру твоего вымышленного отравления, однако не мог лишить тебя шанса на исправление, последнего шанса самой изгнать из своего тела потустороннюю силу и спастись. Ты не справились или не захотела справиться с недомоганием – тебе, вероятно, лучше меня известно, что ты ощущала на самом деле, – поэтому отныне мы разделены. Я, сидя на разболтанном стуле, пытаюсь как-то художественно закруглить свое драматургическое произведение, а ты находишься на излечении в стационаре. Твоя рецессивная сугрессия произвела на главного столь незабываемое впечатление, ты так упорно не желала признавать ошибки в употреблении любимившегося термина и так гневно выражала протест против непрофессиональных, с твоей точки зрения, действий психиатров, так сильно жаждала выцарапать мне глаза, а потом продемонстрировать, как я опасен, когда нарезаю столовым ножом костромской сыр, что у медиков не осталось иного выхода, как забрать тебя на психиатрическое обследование. Разумеется, с согласия ближайшего родственника, то есть меня. Обследование продолжится не меньше недели и когда закончится, неизвестно. Сама виновата: твое поведение представляло несомненную опасность для моей жизни и жизни нашего возвращающегося с каникул ребенка. Так думаю я, и вызванные тобой психиатры придерживаются того же мнения. Как видишь, медицина в конце концов разобралась, кто из нас представляет опасность для окружающих, и моя ли вина, что выбор эскулапов оказался не в твою пользу.

Не переживай, каждому свое. Возможно, докторам удастся побороть овладевшую тобой демоническую сущность – тогда все останется по-прежнему, как было когда-то, в самом начале нашей рухнувшей семейной жизни. Однако надежда на это мала: все-таки тебя лечат нейролептиками, а это такие препараты, с которыми лучше не связываться – куда до них мифическому порошку Папы Карло!

Обещаю наведываться как можно чаще. Приемные дни в сумасшедшем доме по вторникам и четвергам, я узнавал. Постарайся вернуть утраченное чувство реальности... и, позволю себе добавить, чувство юмора тоже. Только не вздумай оскорблять санитаров, как последние годы оскорбляла мужа – эти мстительные существа способны отравить жизнь, а то и попросту избить любого пациента сумасшедшего дома, во всяком случае, так описывают сумасшедшие дома в художественных произведениях. Еще один добрый совет: в разговорах с лечащими врачами не упоминай рецессивную сугрессию – и твои шансы на возвращение в семью повысятся.

Ты выздоровеешь, дорогая, искренне на это надеюсь.

Автор откладывает оконченный бестселлер в сторону и усаживается за компьютер, возвращаясь к незавершенному труду. Это реалистическая, в духе классиков русской литературы, пьеса о рыбной ловле. Ее главные герои – профессор Владимир Федосеевич со своим племянником Иннокентием, также профессорский аспирант Молчун с подружкой Настенькой и личным поваром Иваном Алексеевичем, дай Бог им всем здоровья.

Занавес

Сборник «Бэббидж и остальные» (2010)

Бэббидж

Действующие лица

Чарльз Бэббидж. Английский изобретатель.

Джорджиана. Его жена.

Генри. Их сын.

Джон Гершель. Близкий друг Бэббиджа.

Студенческие друзья Бэббиджа:

Джордж Пикок.

Майкл Слегг.

Леди Милбэнк. Вдова лорда Байрона.

Ада. Ее дочь.

Граф Лавлейс. Муж Ады.

Клемент. Механик.

Витворт. Чертежник.

Государственные деятели:

Герцог Веллингтон.

Сэр Роберт Пиль.

Пер Георг Шютц. Шведский изобретатель.

Эдвард. Его сын.

Другие джентльмены и леди. Дети. Чертежники и механики. Толпы народа.

Сцена 1

1812 год. Одно из помещений Кембриджского университета. На столе недопитые бутылки с вином, разбросанные рукописи и книги. Кресла отодвинуты, в них расположились: Джон Гершель, сын знаменитого астронома, Джордж Пикок, сын крупного военачальника, Майкл Слегг, сын преуспевающего торговца хлопком, Чарльз Бэббидж, сын состоятельного тотнесского банкира. Всем им по девятнадцать или около того лет.

Пикок: А я вас уверяю, что ни одна брюнетка не сравнится с белокурой девушкой.

Слегг: Не скажи, Джордж... Лично мне больше нравятся брюнетки. Среди них попадаются очень даже недурные.

Пикок: Недурные – возможно. Но только белокурые девушки бывают по-настоящему стройными.

Слегг: Опровергаю. Безответственное и, главное, бездоказательное заявление.

Пикок: Считаю это аксиомой, Майкл.

Гершель: Стоит ли спорить о вкусах, друзья? Джорджу нравятся белокурые, а Майклу темноволосые.

Пикок: Интересно, что по этому поводу скажет Чарльз.

Бэббидж: Вынужден вас разочаровать, друзья. Я предпочитаю шатенок.

Слегг: Чарльз, как всегда, оригинален.

Пикок: Думаю, это неспроста.

Бэббидж: Недавно я был представлен одной очаровательной шатенке. У нее мягкие золотистые волосы. Она стройна и миловидна.

Слегг: И как зовут это миловидное рыжее существо?

Бэббидж: Джорджиана.

Гершель: Вы помолвлены?

Бэббидж: Еще нет, но я задумывался об этом.

Пикок: Ну вот. Не успели все мы насладиться обществом Чарльза, как его из нашей теплой компании уже умыкают.

Слегг: Чарльз – пропащий человек. Он и без помолвки собирался перебраться в колледж Святого Петра.

Бэббидж: Предпочитаю быть первым в колледже Святого Петра. Как это ни прискорбно, друзья мои, но я не собираюсь заканчивать колледж третьим. Превзойти твои астрономические способности, Джон, и твои богословские познания, Джордж, мне никогда не удастся.

Слегг: Очень мило, Чарльз, что в твой черный список не оказался внесен я. Тем не менее постараюсь окончить колледж третьим, отодвинув самоуверенного мистера Бэббиджа на четвертое место.

Бэббидж: Вот поэтому-то, мои не в меру талантливые друзья, я в самом скором времени буду вынужден вас покинуть. В колледже Святого Петра моему самомнению ничто не угрожает.

Гершель: Не будь таким самолюбивым, Чарльз.

Пикок: ...И никогда не ставь на рыжих. Только в белокурых девицах ощущается такая же стройность, как в дифференциалах Лейбница.

Слегг: Однако не очень-то наши досточтимые островные профессора следуют заветам Лейбница.

Пикок: Точно сказано. Профессор Вудхауз в своих «Принципах аналитических вычислений» использует лейбницеvское обозначение, а читая нам лекции – ньютоновскую точку. Каково?

Гершель: Когда ты станешь читать лекции в Кембридже, Джордж, ты сможешь исправить этот недостаток.

Пикок: Зачем ждать?

Слегг: Интересно, что предложит нам Джордж.

Пикок: Повесить профессора Вудхауза на люстре во славу английской математики.

Бэббидж: Не проще ли объяснить профессору, что он не прав?

Слегг: Каким образом?

Бэббидж: Учредим общество предания гибели всех сторонников ереси ньютоновской точки. Если Вудхауз к нам не присоединится, он прослывет ретроградом.

Гершель: А что, неплохая идея! Научное общество со своим печатным органом.

Пикок: Печатный орган обязательно. Чарльз сможет напечатать в нем свою вечно незаконченную статью «О бесконечных произведениях».

Хватает со стола рукопись и подкидывает ее в воздух. Листы разлетаются по комнате.

Гершель: Я тоже мог бы кое-что напечатать.

Слегг: Как ты сказал, Чарльз, «Общество предания гибели всех сторонников ереси ньютоновской точки»? В таком случае нам необходимо избрать президента.

Пикок *(вскакивая на кресло):* Внимание, джентльмены! Сим учреждается научное «Общество предания гибели всех сторонников ереси ньютоновской точки», назначенное для развития английской математики, проведения дискуссий среди ее членов, печатания статей означенных членов и их дальнейшего веселого времяпровождения. Все присутствующие, если они не возражают, объявляются действительными членами Общества. Теперь, уважаемые господа члены «Общества предания гибели всех сторонников ереси ньютоновской точки», нам необходимо избрать президента из числа присутствующих. Какие будут предложения?

Слегг: Предлагаю Джона.

Пикок: Здесь двух мнений быть не может. Прошу присутствующих проголосовать. *Все поднимают руки. Пикок торжественно обращается к Гершелю.*

Вы, мистер Джон Гершель, как самый достойнейший и сметливейший из членов «Общества предания погибели всех сторонников ереси ньютоновской точки», объявляетесь его президентом. Какие будут указания, мистер президент?

Гершель (*улыбается*): Спасибо за оказанную мне честь, Джордж. Тронут вашим доверием, Майкл и Чарльз. Чего же вам желается от своего свежей испеченного президента?

Слегг: Как чего, Джон? Мы хотим, чтобы отныне ты повелевал нами. Немедленно усаживай Джорджа за разработку теории функций, а Чарльза... ему доверим что попроще... например, составление таблиц логарифмов.

Гершель: Чарльз, при своей неаккуратности, наделает грубых ошибок.

Слегг: Мой дядя, вернувшийся недавно с испанской кампании, рассказал смешную историю. Английский корабль, уже после объявления перемирия с испанцами, барражировал в Средиземном море. В гости к капитану с визитом вежливости заехал его испанский коллега с серебряным подносом на память. Наш хитроумный вояка в долгу не остался и в ответ одарил испанского капитана навигационными таблицами. Испанец с благодарностью принял книгу, не подозревая о том, что таблицы в ней составлены без учета високосных лет. Испанский корабль отплыл, и больше о нем никто ничего не слышал. Говорят, это самая удачная операция английского флота за всю испанскую кампанию.

Все смеются.

Пикок: Составленные Чарльзом таблицы логарифмов мы подарим профессору Вудхаузу, чтобы он, подобно испанскому фрегату, заблудился по дороге в аудиторию.

Бэббидж: Боюсь, за составлением логарифмических таблиц мне придется прокорпеть до глубокой старости. Тогда предстоящая помолвка расстроится.

Пикок: Ничего подобного. В Париже научились быстро составлять логарифмические таблицы. Расчетчики разделены на три группы, каждая занимается своей работой. Расчетчики последней группы настолько неквалифицированы, что набираются из числа оставшихся без работы парикмахеров. Так что, если какой-нибудь парикмахер поможет тебе, Чарльз, в составлении таблиц, Вудхауз заблудится в Кембридже гораздо раньше твоей старости, а ты окажешься помолвлен.

Бэббидж: Остроумно придумали эти французы.

Пикок: И главное, эффективно.

Бэббидж: Если бы заменить парикмахеров на что-нибудь более простейшее, получилось бы совсем идеально.

Слегг: На что, к примеру?

Пикок: Наш друг предлагает заменить парикмахеров осликами. Но увы, ослики не смогут взять даже самый легкий логарифм, поскольку ослики глупее своей упряжи.

Слегг: В таком случае необходимо заменить ослика на упряжь.

Бэббидж: Как ты сказал, Майкл?

Слегг: Заменить ослика на его упряжь. Пусть упряжь сама берет логарифмы.

Бэббидж: Ты хочешь сказать, что машинерия способна сама брать логарифмы?

Гершель: При Чарльзе нельзя упоминать машинерию, он сразу заводится. Вы знаете, в детстве он пытался изобрести аппарат для хождения по воде и едва не утонул.

Слегг: Он просто пьян.

Бэббидж: Обождите, друзья. Почему бы машинерии, в самом деле, не брать логарифмы? Представьте станок, решающий математические задачи. Разработка логарифмических таблиц отнимала бы в таком случае на порядок меньше времени.

Гершель: Такие станки можно было бы использовать в астрономии.

Пикок: В навигации...

Слегг: А еще в мануфактурах. Поздравляю вас, джентльмены: не прошло и получаса с момента учреждения «Общества предания гибели всех сторонников ереси ньютоновской точки», как среди его действительных членов уже появился один рехнувшийся. И двое других на подходе.

Пикок: Предлагаю выпить по этому поводу.

Все следуют хорошему совету.

Слегг: Чтобы проверить, кто из нас более сумасшедший, предлагаю пари. Ставлю гинею на то, что первой женщиной, встреченной нами по пути, окажется брюнетка.

Пикок: Я ставлю на белокурую. Чарльз, разумеется, на шатенку?

Бэббидж: Разумеется.

Пикок: Нашему уважаемому президенту ничего другого не остается, как ставить на пегую.

Гершель: Я ставлю на мужчину.

Слегг: Чувствуется математический склад ума. Однако такая ставка, мой дорогой президент научного общества, не принимается. Назовите что-нибудь, обладающее меньшей степенью вероятности, хотя бы горбатого великана с зелеными волосами.

Гершель: Хорошо. Ставлю на священника.

Слегг: Другое дело. А теперь, уважаемые члены «Общества предания гибели всех сторонников ереси ньютоновской точки», попрошу всех покинуть зал заседания!

Все, кроме Бэббиджа, направляются к дверям.

Чарльз, это и тебя касается. Или ты уже засел за разработку логарифмических таблиц? А как же твоя математическая упряжь? Поручи логарифмы ей.

Бэббидж: Уже иду. Майкл, Джон, Джордж! Обождите меня, друзья.

Пытается собрать разлетевшиеся листы рукописи, потом машет рукой и убегает вслед за всеми.

Сцена 2

1823 год, с момента предыдущей сцены прошло одиннадцать лет. Лондон, дом Бэббиджа на Девоншир-стрит. В гостиной – Джорджиана, молодая женщина с золотистыми волосами. На руках у нее ребенок. Двое других детей, постарше, держатся за юбку матери.

Джорджиана: Джон, это вы? Да заходите же, заходите!

Входят Гершель и следом за ним держащийся несколько в отдалении Клемент, мало-разговорчивый мужчина лет сорока пяти, знающий себе цену.

Гершель: Здравствуйте, Джорджиана. А где Чарльз, разве он не вернулся с аудиенции у герцога Веллингтона?

Джорджиана: Еще нет, мы ожидаем его с минуты на минуту. Располагайтесь, джентльмены. Извините, я только передам детей няньке. Дети – Генри, Чарльз! – идите за мной, только осторожно, не споткнитесь о порожек.

Уходит с детьми и тут же возвращается одна.

Гершель: Разрешите представить вам мистера Клемента.

Джорджиана: Очень рада, мистер Клемент.

Клемент молча из своего угла кланяется.

Как у вас дела, Джон? Ваше с Чарльзом общество какой-то там еретической точки еще существует?

Гершель (*улыбаясь воспоминаниям*): Так вы о нем знаете? Чарльз вам рассказывал? Увы, «Общество предания гибели всех сторонников ереси ньютоновской точки» давно не у дел. Мы с вашим мужем были тогда молодыми людьми и веселились как могли. Хотя с годами игры не сильно изменились. Сейчас вместо «Общества предания гибели всех сторонников ереси ньютоновской точки» мы играем в Королевское общество.

Джорджиана: С тех пор, как Чарльз туда избрали, он не сказал о Королевском обществе ни единого доброго слова. Право, я в этом ничего не понимаю. Неужели верно, что все члены Королевского общества только тем и занимаются, что обедают за счет своего общества, награждая себя за эти обеды почетными медалями?

Гершель: Это Чарльз так говорит?

Джорджиана: Особенно когда у него плохое настроение.

Гершель: Что же, можно выразиться и так. Хотя я бы возразил Чарльзу, что члены Королевского общества награждают себя не только за бесплатные обеды, но также и за бесплатные ужины, не говоря уже о ланчах.

Джорджиана: Ну вот, и вы туда же. Похоже, все члены Королевского общества задались целью отзывать о нем пренебрежительно. Однако расскажите о себе, Джон, я столько времени вас не видела.

Гершель: Рассказывать нечего, дорогая Джорджиана. Астрономия – скучнейшая наука. И что самое обидное, астрономов до меня было бесчисленное количество и у финикийян, и у персов, и у египтян. То ли дело ваш муж. То, что он задумал, никаким финикийцам не снилось.

Джорджиана: Чарльз что-то объяснял мне, но я ничего не поняла. Какое-то табуирование многочленов. По-моему, это ужасно. Лучше ему получить кафедру в каком-нибудь университете, так мне кажется.

Гершель: Боюсь, дорогая Джорджиана, я толком не сумею объяснить, что именно задумал ваш муж. Но если Чарльзу удастся построить свою машину, он обессмертит имя Бэббиджей в веках.

Джорджиана: И что эта машина, которой суждено обессмертить в веках имя моего мужа, должна делать?

Гершель: Считать числа.

Джорджиана: Бог мой! Неужели герцог Веллингтон, такой умный государственный человек, согласился принять моего мужа?

Гершель: Разумеется. Разве доклад Чарльза о применении машин для вычисления астрономических и математических таблиц не произвел фурор в Астрономическом обществе? Разве статьи Чарльза в «Эдинбургском научном журнале» и журнале Астрономического общества не получили одобрение? Вы недооцениваете своего мужа, Джорджиана.

Джорджиана: Наверное, Джон. Я всего лишь его жена и очень его люблю. Но я бы все равно предпочла, чтобы Чарльз продолжил астрономическую карьеру, как это сделали вы. Или вы полагаете, что Чарльзу удастся упросить министерство финансов оплатить постройку его машины?

Гершель: Я в этом убежден.

Джорджиана: Дай-то Бог. Может быть, тогда мой муж наконец остепенится и приобретет стабильный достаток. Когда Чарльз опускался на дно в водолазном колоколе, чтобы исследовать поведение компаса под водой, я просто места себе не находила. Вечно он выдумает что-нибудь опасное.

Гершель: На этот раз я абсолютно уверен, что правительство ему не откажет. Поэтому-то и пригласил мистера Клемента. Думаю, что после сегодняшней аудиенции Чарльз не преминет познакомиться с самым искусным механиком в Лондоне, как это недавно удалось мне.

Клемент кланяется из своего угла.

Джорджиана (рассеянно): Самый искусный механик в Лондоне, говорите? Но вы ведь будете присматривать за моим мужем, Джон? Я так за него переживаю.

Гершель: Насколько это возможно. Сожалею, что не могу принять деятельного участия в постройке машины. Я неплохой астроном, но с механикой исключительно в натянутых отношениях, к тому же по натуре лентяй. Тем более что мысль сконструировать механический

вычислитель поселилась не в моей голове. Надеюсь, Чарльз и без меня прекрасно управится, я же со своей стороны буду рад услужить старинному приятелю.

В гостиницу врывается Бэббидж. Он счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.